

Николай КОНЯЕВ
г. Санкт-Петербург

Глава третья
ПЕРЕВЕРНУТЫЕ КРЕСТЫ

СВОЕВРЕМЕННАЯ МЕРА

Сегодня произошла очередная реорганизация правительства.

Первыми заместителями председателя правительства назначены новый министр финансов Анатолий Чубайс и Борис Немцов. Заместителями – председатель Государственного комитета по управлению государственным имуществом Альфред Кох и Владимир Булгак, министр экономики Яков Уринсон и Олег Сысуев.

Заодно ликвидировано Министерство оборонной промышленности Российской Федерации.

Центральный банк России как раз к новым назначениям выпустил сегодня в обращение новую банкноту достоинством в 500 тысяч рублей.

17 марта 1997 года, Санкт-Петербург

ДЕЛО ВАСИЛИЯ КАЗАНСКОГО

Первый раз ходил в архив ФСБ смотреть дело священномученика Вениамина.

Семнадцать пухлых папок.

На всех написано «Дело Василия Казанского и др.».

Это для окружающих он был владыкой Вениамином, митрополитом Петроградским и Гдовским, а для следователей, для судей, для тюремщиков и палачей – просто Василием Казанским.

Для нас он стал святым – священномучеником Вениамином.

Для книги о нем и собираю я материалы.

18 марта 1997 года, Санкт-Петербург

ГЛУХОТА

То, что происходит вокруг, захлестывает и наш быт, разъедает и наши отношения.

Позвонил сегодня брату, чтобы спросить, придут

Продолжение.

Начало см. в №1-2, 2018 г.

ли они, как договаривались, в гости? Володя помолчал, а потом откуда-то издали сказал, что они с Сашей решили поделить наш вознесенский дом.

Вознесенского дома, в котором я родился и вырос, конечно, было жаль, отец строил его на одну семью, и просто представить невозможно, что получится, когда мы разделим этот дом на три части...

Но еще страшнее оказалось ощущение возникшей глухоты.

Глухота была полной, какой-то абсолютной, какой-то оглушительной!

А какая еще может быть глухота, если ты спрашиваешь брата, придет ли он в гости, а брат отвечает тебе, что они с сестрой решили разделить наш общий родительский дом.

21 марта 1997 года, Санкт-Петербург

КАДРЫ РЕШАЮТ ВСЕ

Сообщили в новостях, что после ремонтных работ вновь открылся Мавзолей Владимира Ильича Ленина.

На губернаторских выборах в Тульской области победил «гэкачепист» Василий Александрович Стародубцев.

Первым заместителем министра финансов назначен бывший глава Главного контрольного управления президента Алексей Леонидович Кудрин.

Место главы Главного контрольного управления занял Владимир Владимирович Путин.

26 марта 1997 года, Санкт-Петербург

ПЕРЕВЕРНУТЫЕ КРЕСТЫ

«Свобода, свобода,

Эх, эх, без креста!

Тра-та-та!»

Александр Блок

Столько говорили об этой демонстрации...

И вот словно по заказу – ужасная, почти блоковская, вьюга в Санкт-Петербурге. Сквозь вьюгу идут колонны с распущенными знаменами и транспарантами.

«Президент, запускай заводы, а не руку в карман народа!»

«Правительство вон! Чубайса под суд!»

«Нет зарплаты, нет и квартплаты!»

«Чубайсы и банкиры отнимут и квартиры!»

«Враги губят народ, а можно сделать наоборот!»

«Демократия – это война с народом!»

«Всем работу, а не пособие по безработице!»

«Чеченцы! Заберите продажных журналистов!»...

Я переписывал эти лозунги, пока не сообразил, что литературной сатиры и иронии в них больше, чем гнева и ярости...

Но в остальном всё, как в кино про революцию.

Мы пристроились к колонне, когда она уже заворачивала под арку Генерального штаба. Промелькнули вверху лица людей, смотревших на нас из окон какого-то банка. На лицах не то чтобы испуг был, но какое-то напряжение...

И так волнующе шумели над головами знамена, такой спрессованной силой дышали лица, такой мощной массой двигались навстречу бьющему в лицо снегу демонстранты, что возникло на несколько мгновений ощущение грозной силы.

И подумалось в эти секунды, что если нынешние коммунисты сокрушат режим Ельцина, они искупят этим грехи той компартии, к которой не имеют никакого отношения, но в которых обвиняют их бывшие руководители этой самой партии...

Но зашли в затишек, стало слышно, как обсуждают шагающие рядом пожилые женщины последнюю передачу «Поля чудес», и растаяло ощущение грозной силы. Станным и нелепым – «Банду Ельцина вон!» – оказался плакат в руках обсуждавших «Поле чудес» женщин.

При чем тут банда Ельцина?! Этим женщинам зарплаты бы свои получить... Они за ними и шли сюда на Дворцовую площадь...

И какая разница между этими женщинами, что шли в колоннах, и теми, которые смотрели на них сверху из окон каких-то учреждений.

Никакой...

Просто одних уже выгнали с работы, а других пока еще нет...

Но ведь тоже когда-нибудь выгонят, и, может быть, и они тоже придут в ряды демонстрантов. Они не верят в это сегодня, но ведь и женщины, обсуждавшие «Поле чудес», тоже не верили год назад, что останутся без работы.

И то ли от этого, то ли от чего другого, но вдруг бросились в глаза крестовины, к которым были прикреплены плакаты.

Когда присмотришься из колонны, такое ощущение возникает, словно это перевернутые кресты несут впереди тебя и ты идешь в каком-то крестном ходе каких-то сатанистов.

Может быть, просто нужно было развернуть эти кресты?

Только как это сделать?

– Нет! Нет! – возражают мне. – Это не крестный ход! Это демонстрация!

– Я и говорю... Демонстрация, но получается, что с перевернутыми крестами.

– Это да... Без креста – никуда!

Без перевернутого креста...

27 марта 1997 года, Санкт-Петербург

МАТУШКА ФЕКЛА

Вчера после демонстрации ходил в музей Ф.М.Достоевского.

Там – вечер памяти матушки Феклы, возобновительницы Оятского монастыря, которая два месяца назад ушла из жизни.

Так и не удалось мне увидеть ее...

Но я сидел в зале, слушал рассказы об этой удивительной женщине, и мне казалось, что я давно, может быть, всегда, знал ее.

Удивительной и непостижимой была ее судьба, но удивительной именно обычностью своей, похожестью на миллионы других русских судеб.

В миру ее звали Лидией Александровной Коняшовой, она рано осталась сиротой и уже в четырнадцать лет пошла работать в подсобное хозяйство эвакуированного из Ленинграда института. С этим институтом и уехала в Ленинград, где стала в 1948 году сварщицей.

28 лет проработала на Балтийском судостроительном заводе...

На вечере выступал режиссер, снимавший фильм о матушке Фекле. Он рассказывал, что на заводе они нашли людей, которые работали здесь, но никто не смог вспомнить будущей настоятельницы Введено-Оятского монастыря.

Недоумения киношников рассеял начальник отдела кадров.

– Кого мы помним? Скандалистов... Прогульщиков... Нарушителей разных... А она двадцать восемь лет проработала у нас, на работу никогда не опаздывала, не прогуливала, ничего не просила... Получается, что и вспомнить нечего...

И тут можно бы потолковать, что пространство современного заводского производства совершенно не способствует общительности людей. Очень мало требуется от каждого отдельного человека, чтобы выпускать необходимую продукцию, какая-то крохотная часть того большого, что называется Человеком, и только в этом крохотном и соприкасаются здесь люди.

Или поговорить, что, оказывается, и в переполненных людьми заводских цехах можно найти духовное уединение, подобное тому, которое находили в пустынях древние отшельники...

Но важнее – другое...

Жизненный путь матушки Феклы свидетельствует, что и после стольких десятилетий атеистического лихолетья способны были являться из недр народа подвижники веры, подобные тем, которые украшали Русскую православную церковь во времена ее расцвета!

В 1991 году, когда Свято-Троицкому Измайловс-

кому собору передали для ведения подсобного хозяйства разрушенный комплекс Введено-Оятского монастыря, Лидия Александровна вместе с другими прихожанами приехала туда сажать картошку, а когда пришло время уезжать, не смогла бросить разоренную обитель.

Житие матушки Феклы отчетливо делится на две части.

Прикровенную жизнь, которая внешне ничем не отличалась от других заводчан, и открытую, когда призвана она была к монастырскому служению.

Высокий и дивный смысл заложен в этом преображении.

С первых шагов на новом поприще являла себя матушка Фекла мудрой устроительницей обители, великой молитвенницей и прозорливицей.

Частью этого чуда видится мне и ее собственная судьба.

Страшными и безжалостными для Русской православной церкви были десятилетия владычества ленинской гвардии. С жалобным стоном валились на землю сбрасываемые колокола, с тихими словами молитвы падали в безымянные могилы расстреливаемые священники. В лютой сатанинской злобе сокрушались кресты и священные алтари.

Ничего не оставлялось народу. Ни священных книг, ни икон.

Только память. Только больная совесть, в глубине которой и продолжали звенеть сброшенные колокола, петь расстрелянные иноки.

И что с того, что очень и очень многие сумели всё позабыть? От этой потери память народа не ослабла, душа не омертвела в атеистической пустыне. И когда это стало нужно, явились такие духовно зрелые подвижники церкви, как матушка Фекла.

Явились из сокровенной глубины народной души, сберегавшей и сберегшей всю первозданную святость неразрушенной России...

28 марта 1997 года, Санкт-Петербург

ТЯЖЕЛЫЕ МЫСЛИ

Подрядился в «Александр-принте» делать «Хронограф Москвы». Теперь, кроме архива, сижу еще и в библиотеке, делаю выписки для новой работы.

Работа вроде бы должна отвлекать, но тяжелые мысли никуда не уходят.

Уже свыклись мы с той мерзостью предательства, что творится в кремлевских верхах, но сейчас этот яд обнаруживается и в отношениях с близкими людьми, обнаруживается и в своей семье.

Что делать?

Разумеется, у меня множество недостатков, я недостаточно выдержан, под горячую руку не раз

скандалил и с братом, и с сестрой, но раньше все это преодолевалось общими шагами к примирению, а теперь примирение не то что стало невозможным, а как бы ненужным им...

Почему?

Да потому что и сами родственные отношения, которые измеряются лишь полезностью и целесообразностью, тоже стали ненужными.

Вот и делим мы свой родительский дом, который невозможно разделить...

29 марта 1997 года, Санкт-Петербург

НЕДЕЛЯ КРЕСТОПОКЛОННАЯ

Последняя неделя со всеми ее большими и малыми событиями была окрашена мыслями о разделе отчего дома.

Ходил, говорил, слушал, даже писал, но все время думал только о доме.

Прямо ступор какой-то...

Сегодня читали на ночь Евангелие. Попала третья глава из Евангелия от Марка, где есть и про разделившийся дом...

«Если царство разделится само в себе, не может устоять царство то; и если дом разделится сам в себе, не может устоять дом тот...»

И хотя чего же хорошего, если не устоит дом, где ты родился и вырос, но как-то сразу успокоился я.

Что же волноваться, чего же переживать, если в Евангелии сказано, что «если сатана восстал на самого себя и разделился, не может устоять, то пришел конец его»...

30 марта 1997 года, Санкт-Петербург

ПЕРВОЕ АПРЕЛЯ 1997 ГОДА

Первое апреля считают кто днем дураков, кто днем смеха, кто днем розыгрышей.

Еще в 1703 году объявлено было в Москве, что «Первый апрель – никому не верь!».

Сейчас как-то не до смеха и не до розыгрышей, но почему-то все события этого дня, даже если и трагичны, все равно смахивают на дьявольский розыгрыш.

Сегодня вошло в силу распоряжение первого вице-премьера Российской Федерации Бориса Ефимовича Немцова, запрещающее государственным организациям приобретать легковые автомобили иностранного производства.

А в Чечне первым вице-премьером республики назначен террорист Шамиль Басаев...

Еще взорвали в подмосковном селе Тайнинском памятник императору Николаю II работы скульптора Вячеслава Клыкова...

1 апреля 1997 года, Санкт-Петербург

ХУТЫНСКАЯ ГОРКА

Вчера Марине позвонил Лукин, сказал, что его увольняют из ФСБ за антисемитизм, и Марина предложила ему поехать с нами в Хутынский монастырь.

Сегодня поехали туда на паломническом автобусе.

Хутынь – это худое место, и назвали его так, потому что до преподобного Варлаама тут, в одиннадцати верстах от Новгорода, обитали бесы.

Но получилось так, что бесы менее пугали благочестивого инока Варлаама, чем бесовство, царившее на вечерних сходках в родном городе.

Хутынь и избрал он для своего уединения.

На том месте, куда упал чудесный луч, поставил деревянную церковь Преображения Господня и каждый раз, приходя сюда на молитву, приносил горстку земли, так что скоро здесь образовался бугорок, потом он превратился в холмик, а преподобный продолжал носить сюда землю.

Шел двенадцатый век.

Неприметно для чужого глаза строилась Русь, и так же незаметно росла молитвами преподобного Варлаама гора на берегу Волхова.

Великие чудеса творились здесь молитвами преподобного.

Однажды к нему привезли больного ребенка, который умер по дороге в монастырь. Преподобный помолился, и ребенок воскрес и выздоровел.

В другой раз принесли к Варлааму утопленника. И тоже по молитве преподобного ожил утонувший в Волхове человек.

Сам Варлаам отдал Богу душу 6 ноября 1192 года.

И уже восемьсот с лишним лет все новые и новые чудеса совершаются по молитвам, обращенным к преподобному Варлааму...

Босиком поднялись мы на Святую горку, насыпанную преподобным.

Считается, что нельзя увозить отсюда землю.

Рассказывают, будто одна женщина набрала в кулечек земли и ночью во сне такая тяжесть обрушилась на нее, что криком зашлась. Кричала, пока не явился преподобный Варлаам Хутынский и не сказал, чтоб назад землю отвезла.

Так женщина и сделала... Тяжела для нее земля с Хутынской горки оказалась.

А для кого легка эта земля молитв преподобного, земля русской истории?

Сходили на источник, где я облился святой водой.

Потом пошли в храм.

Там батюшка Макарий помазывал всех елеем и благословлял иконой Спаса Нерукотворного.

Лукина он – откуда-то в стопке иконок и такая нашлась! – благословил иконой князя Игоря.

– Как будто знал, что я переложение «Слова о полку Игореве» закончил... – разглядывая иконку, сказал Лукин.

– Это не батюшка... – сказала Марина. – Это преподобный...

Я хотел пошутить, что преподобный Варлаам вообще не читал ничего кроме Евангелия и Псалтири, но промолчал.

Совсем не хотелось шутить возле Хутынской горки.

6 апреля 1997 года, Санкт-Петербург

СВЯТОЙ ИСТОЧНИК

Тусклый сегодня выдался день...

Расплескивая грязно-желтые лужи, наш «Икарус» мчался по шоссе над оттаявшими, влажно-серыми полями. Порою к шоссе стеною подступал лес. Черные деревья, под деревьями – тяжелый, сырой снег.

1

С погодой нам явно не повезло.

Когда выезжали из Питера, еще проблескивало солнце, а сейчас все небо затянуло тучами...

Безнадежно-серое, низко висело впереди небо.

Зато внутри автобуса, как выразился наш сосед, стояла «тепльнь духовная».

Читали житие Александра Свирского, с именем которого многое связано и в истории Введено-Оятского монастыря...

Почти шесть веков назад молились здесь родители великого русского святого о даровании сына.

Здесь, как утверждает Житие, и услышали они голос: «Радуйтесь, доброе супружество, се бо услышал Господь молитву вашу и имате родити Сына утешения тезоименита: яко в рождестве его утешение церквам своим подати имать Бог».

Здесь, где вымолили они своего святого сына, и приняли родители Александра Свирского постриг после ухода сына в монастырь. Скончались Стефан и Васса, будучи иноками Островского Введенского монастыря.

Здесь их могила.

2

У дивительное дело...

Легенда о граде Китеже, уходящем под воду на глазах изумленных врагов, снова и снова повторяется в нашей истории.

В какую бы эпоху ни заглянули мы, повсюду обнаруживаются подобные Китежи, в какую бы местность ни попали – везде отыщутся люди,

слышавшие доносящийся из неразличимой глубины времени чистый звон колоколов затонувшего града.

Немало таких преданий и в Введено-Оятском монастыре.

Рассказывают, что в двадцатом году пришли в монастырь чекисты в черных кожаных куртках и расстреляли здешних монахов. Они спешили. Прогремели в ночной тишине выстрелы. Тела сбросили в яму за гумном и торопливо засыпали землей, скрывая следы преступления.

Только как же скроешь, если и десятилетия спустя жители окрестных деревень слышали по ночам пение расстрелянных иноков, доносящееся из полуразрушенных храмов.

И колокольный звон тоже различали, хотя уже сломана была колокольня, разбиты и увезены в металлолом колокола...

Рассказывают, что однажды приехали на железнодорожную станцию две учительницы. Было это уже в наши дни, когда монастырь начали восстанавливать, и учительницы в монастырь и ехали. Дороги они не знали, а спросить из-за позднего времени было не у кого. Растерялись паломницы, не зная, куда идти, что делать... И вдруг ясно различили звук колоколов.

– Слава Богу! – обрадовались они. – Пойдем скорее, может, еще на вечерню успеем.

Каково же было удивление, когда в сумерках увидели они заросшие травой руины.

А колокольный звон не прекращался.

Откуда-то из-под земли звучал он...

3

Говорить о достоверности или недостоверности подобных рассказов бессмысленно. Каждый слышит то, что слышит его душа, различает то, что различает сердце...

И это не самообман, не галлюцинации, а вполне объективная, как любят говорить твердолобые материалисты, реальность.

Возрождение Введено-Оятского монастыря началось при владыке Иоанне, митрополите Санкт-Петербургском и Ладожском. И связано оно было с именем первой настоятельницы монастыря матушки Феклы, которая 25 января сего года покинула нас...

Наша попутчица, еще совсем молодая монахиня, рассказала историю, произошедшую, когда только начинал устраиваться их монастырь...

«Матушка Фекла долго молилась, чтобы вода в монастыре была. И вымолила. И забил источник.

Да не простой, а радоновый, целебный.

И, конечно, нашлись люди, которые решили бизнесом заняться и начать торговать целебной водой.

Собрались вместе и начали обсуждать, как оденут в бетон источник, как сделают цех разлива воды, как потекут деньги в их карманы.

– А монастырь? – спросил один из бизнесменов.

– А что монастырь? – удивился другой «бизнесмен». – Пускай тоже у нас покупают. Мы им, ха-ха, со скидкой отпускать воду будем как постоянным покупателям...

– А на кого участок оформлять будем?

– Как на кого? На меня...

– А почему не на меня?

– Потому!

Так, слово за слово, драка завязалась. И вот, вместо того чтобы святой источник приватизировать, один на тот свет отправился, а другой – в тюрьму.

Вот такая история случилась...»

Попутчица перекрестилась, завершая свой рассказ.

– А источник? – спросил я.

– А что источник? – ответила монахиня. – Источник у Богородицы остался...

4

Редко кто из приезжающих сейчас в Введенский монастырь не побывает на этом источнике Богоматери, источающем дивную целебную воду.

Сбегая от колодца-часовенки, вода скапливается внизу в небольшом озерке.

Когда мы спустились туда, словно специально подгадав, пошел снег.

Осторожно переступая по скользкому глинистому дну, заходили в ледяную воду.

Перехватило дыхание, когда я окунулся с головой в первый раз. Перекрестился – и снова в воду. А когда окунулся в третий раз – уже не очень-то и хотелось выходить из источника.

Как-то необыкновенно тепло и весело стало.

Нечто похожее происходило и с моими спутниками. Никто не ежился от холода. Не спеша выбрались они из озера, оделись и пошли к собору...

Навстречу нам двинулись к озерку женщины.

По-прежнему затянуто тучами было небо. Не прибавилось тепла, но как будто прибавилось света, ясно различал я набухшие на ветвях деревьев почки.

5

– А когда, – спросил я еще в автобусе у монахини, – когда вы поняли, что удалось возродить монастырь? Когда источник забил?

– Нет... – ответила монахиня. – Мы это поняли, когда повсюду из монастырской земли косточки людские стали выходить. Мы их собирали и погребали у креста на кладбище...

Жутковато было думать о костях, которые выходили из земли, чтобы наконец-то отнесли их на кладбище, но это тоже, как и святой источник, часть великого чуда возрождаемого из мерзости разрухи и запустения монастыря...

6

Уезжая, мы побывали на монастырском кладбище...

Здесь могила родителей святого Александра Свирского, здесь могила, в которой нашли упокоение кости расстрелянных чекистами монахов, здесь и свежая совсем могила матушки Феклы...

– Какие голоса? – удивилась монахиня, когда мы спросили ее о голосах убиенных монахов, которые слышно бывает в полночь, во время крестного хода. – Не знаю... Это у кого какой слух. А я, например, только колокольный звон слышала.

Она еще хотела о чем-то рассказать, но не получилось.

– Ах, матушка! – воскликнул, перебивая ее, наш сосед по автобусу. – Какая жалость, что нам еще до вечерней службы придется уехать из монастыря. Вот бы пройти с ночным крестным ходом вокруг монастыря да послушать, как ангелы-то поют... Теплынь-то у вас какая духовная!

Говоря так, он наклонился к кресту на могиле матушки Феклы.

И, видно, не рассчитал движения, неловко ткнулся лбом в угол перекладки...

Получилось, словно матушка Фекла и ударила его по лбу не так чтобы сильно, но чувствительно. Как и в земной жизни, рассказывают, она своим посохом вразумляла шибко восторженных сестер и паломников...

Перекрестившись, наш сосед по автобусу потер ушибленный лоб и поцеловал все-таки крест.

Но про теплынь духовную он уже не вспоминал больше.

7

– Радостно, что после нас что-то останется... – говорила матушка Фекла. – Придет чело-

век, когда ему будет трудно, придет от суетного мира и скорбей и найдет тихую обитель, – ведь душа требует покаяния и утешения, главное, чтобы народ пришел к вере, пришел к Богу, главное – понять то, что дерево без здоровых корней не растет и не расцветает, а обители, как и раньше они создавались, – это корни всего народа, если обители разрушены – значит, народ свою душу искалечил, разорваны сердца людские, как и эти обители.

Медленно кружась, падали снежинки.
Было уже начало апреля...

19 апреля 1997 года, Санкт-Петербург

ПРИ ЧЕМ ТУТ ИСТОРИЯ?

Занес сегодня в «Александр-принт» остаток «Московского хронографа» и хотел идти в архив, но у Александра Завеновича гость сидел, чиновник из Смольного.

Обращаясь исключительно ко мне, чиновник начал рассказывать, что Борис Николаевич Ельцин отклонил принятый Государственной думой закон «О правовых гарантиях оппозиционной деятельности в РФ», поскольку он противоречит конституционным основам организации государственной власти.

– У нас Конституция такая, что всё ей противоречит, кроме самого Ельцина! – сказал я.

– Нет! – возразил чиновник. – Этот закон содержит нормы, направленные на создание параллельных структур власти на федеральном уровне. Вы понимаете? Ведь тут речь идет о единстве России!

Признаться, сам я текста закона не читал и вступился за него только потому, что Борис Николаевич отклонил его. Позиция весьма уязвимая, не говоря о том, что просто несерьезная для человека, подходящего к пятидесятилетнему рубежу.

– А вы патриот, однако... – чтобы прекратить этот разговор, сказал я.

– Да... Патриот, наверно... – сказал чиновник. – Только я считаю, что патриотизм тоже должен быть социально обоснован.

– Как-как? – переспросил я.

– Для патриотического поведения необходимо социальное обоснование!

Тут, конечно, можно было бы поговорить «повзрослому», но Александр Завенович, изучавший принесенную мною рукопись, вдруг поднял голову.

– А что вы принесли? – спросил он.

– «Московский хронограф», как вы и заказывали...

– Но мы же имели в виду, что это будет хронограф по московской архитектуре... При чем тут история?

21 апреля 1997 года, Санкт-Петербург

СВЯЩЕННОМУЧЕНИЧЕ ВЕНИАМИНЕ

Должен был встретиться сегодня с режиссером, снимающим фильм о священномученике Вениамине.

Встречу назначили у часовенки, спрятавшейся в жилом доме недалеко от Дома Евангелия, в котором при митрополите Вениамине был открыт Дом Трудолюбия.

Этот храм поначалу планировали превратить в храм новомучеников петроградских, но его захватили баптисты, и теперь здесь всё время дуют ледяные ветры и клубится, свиваясь в столбы, городская пыль.

Я совсем замерз, пока ждал киногруппу...

Потом догадался позвонить и выяснил, что они поехали в Александрово-Невскую лавру.

Там мы и встретились на Никольском кладбище, почти на том самом месте, где стоял 1 июня 1922 года митрополит Вениамин, когда келейник извещил о прибытии чекистов.

Теперь здесь стоит крест, на котором написано «Вениамин, митрополит Петроградский и Гдовский».

Но это не могила.

Это просто памятник...

Где находится настоящая могила четырех новомучеников, никто не знает...

Но здесь у креста-памятника почему-то всегда тепло.

В разное время года, при разных ветрах и погодах бывал я здесь, но тепло было всегда...

Сюда, в это духовное тепло, и идут православные люди, чтобы, осенив себя крестным знаменем, произнести: «Святой священномученике Вениамине, митрополит Петроградский, моли Бога о нас!»

1 мая 1997 года, Санкт-Петербург

СТРАШНЕЕ ПРОДРАЗВЕРСТОК И КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЙ

Заходил приятель, рассказал, что собирается поехать на все лето в деревню, насадить картошки и разных овощей. Летом будет собирать грибы, ягоды, в общем, назаготавливает всего...

– У меня же, – сказал он, – и деды, и прадеды на земле жили... Что я, не смогу, что ли... У меня генетическая память крестьянина...

– А где хранить будешь то, что вырастишь? – спросил я. – У тебя же в городе ни подвала, ни кладовок нет!

– Ну, не знаю, – сказал приятель. – Может, продам что...

– Продашь? – спросил я

И приятель, вздохнув тяжело, опустил голову, сообразив, что глупость сказал.

Скоро он ушел, а тяжелые мысли, разбуженные этим разговором, остались...

Русскую деревню сокрушали prodразверстка-ми времен военного коммунизма, потом коллективизацией тридцатых годов.

И уничтожалось крестьянство не как класс, а как основа России.

Иосиф Виссарионович Сталин, видимо, понял, что так происходит расшатывание основ государства, и ему удалось обуздать индустриализационные планы и смягчить натиск ленинской гвардии на деревню.

И выжила деревня в те страшные военные и послевоенные годы, выстояло и тогда крестьянство... Но пришла хрущевская одиннадцатилетка, и началось его наступление на церковь, а следом за ним – брежневская эпопея компании неперспективных деревень.

И тут-то и надломилась русская деревня, прошедшая и коллективизацию, и войну, и послевоенное лихолетье.

Можно ли это назвать заговором?

Несомненно.

Но при этом надо помнить, что и заговор не смог бы решить задач, поставленных перед ненавистниками России, если бы не самовоспроизводился он самой системой выстроенных большевиками-ленинцами отношений.

И вот мы видим, что и сейчас, когда пал советский строй, антидеревенская война в России продолжается.

Нет-нет, теперь ничего не запрещают и ничего не отбирают, просто теперь русского земледельца лишили возможности реализовывать свой товар, и это оказалось страшнее prodразверсток и коллективизаций.

2 мая 1997 года, Санкт-Петербург

ВСЕМИРНЫЙ РУССКИЙ СОБОР

Приехали вчера с Иваном Ивановичем Сабилон на Всемирный русский народный собор.

В Москве снегопад.

Когда добрались до Свято-Даниловского монастыря, началась настоящая вьюга.

В канцелярии – заспанный Андрей Поздняев.

Поехали в гостиницу в Измайлово, а там – новое приключение. Оказывается, мне нужно вклеить в паспорт новую фотографию.

Ходили с Иваном Ивановичем в милицию, насилу убедили их, что, как только вернусь в Питер, сразу и сделаю это.

Поверили.

А сегодня с утра молебен, заседание, потом обед в монастыре.

После обеда поехал в «Наш современник».

Думал, что там, в редакции, и прочитаю корректуру «Ангела Родины», но куда там... Вадим Валерианович Кожин, которому давали читать повесть, так основательно прошелся по тексту, что печатать такое никак невозможно.

Позвонили Вадиму Валериановичу.

Он ответил, что, дескать, это его предложение, но автор пускай поступает так, как считает нужным.

Я сказал, что надо восстановить некоторые вычеркнутые куски.

На этом и согласились. Забрал корректуру, чтобы дома исправить то, что нужно.

Вечером выпивки и разговоры с соборьями в гостинице.

Отдал Валерию Шамшуруину роман «И закопанные, и сожженные».

Валерий теперь редактирует новый журнал «Нижний Новгород».

5 мая 1997 года, Москва

КЛИНИКА ЖАНРА

Иногда кажется, что Борис Николаевич Ельцин не руководитель страны, даже не человек, а некий жанр.

Вот сегодня в Москве проходило заседание Совета обороны, на котором должно было состояться обсуждение концепции реформы армии.

Министерство обороны и Генштаб готовили этот документ почти шесть месяцев. А Борис Николаевич, едва поздоровался с членами Совета обороны, и сразу объявил, что министру обороны Родионову представляется для выступления пятнадцать минут.

– Но согласно утвержденному регламенту мой доклад рассчитан на тридцать минут! – запротестовал Игорь Николаевич.

Как видно, Ельцин и сам понял, что ляпнул не подумав – невозможно основной доклад, который обосновывает концепцию реформы армии, сократить по ходу дела в два раза! – но поскольку ляпнуто было под телевизионные камеры, заднего хода давать не стал.

– Меньше рассуждайте, – оборвал он Родионова. – Вы уже потеряли пять минут. Осталось десять.

– В таком случае я отказываюсь от доклада! – заявил министр.

Начальник Генштаба генерал армии Самсонов также не согласился сократить свое видение реформы армии в два раза.

– У меня есть предложение – освободить министра от занимаемой должности! – предложил Ельцин. – Кто против?

Никто не возразил, и новым министром обороны стал генерал армии Игорь Дмитриевич Сергеев...

После одни объясняли, что увольнение Родионова связано с пробуксовкой военной «реформы», другие говорили, что Родионов препятствовал ослаблению и развалу вооруженных сил и, дескать, это не встретило понимания в правительстве, но мы ведь своими глазами видели, как все происходило.

Это никакая не политика, это жанр.

Причем в этой манере руководства страной очень много именно от жанра одесской эстрады.

То есть это даже не жанр, а клиника жанра.

22 мая 1997 года, Санкт-Петербург

ВСТРЕЧА С АРХИМАНДРИТОМ

Днем привезли сто экземпляров «Свирских святых».

Потом ездил в «Азбуку». Получил расчет за «Закопанных и сожженных». Чистыми вышло 8257774 рубля.

Вечером был на подворье Валаамского монастыря, где архимандрит Панкратий проводил встречу с нашими писателями.

Я пригласил на встречу Виктора Максимова, Андрея Реброва, Валерия Филимонова, отца Геннадия Беловолова, Ларису Кудрявцеву, Александра Казина, Евгения Лукина.

Была и моя Марина.

Разговор интересный получился, о монастыре, о православной литературе, о предстоящей поездке писателей на Валаам.

И, конечно, Панкратий произвел впечатление.

Действительно, настоящий архимандрит. Удивительно сосредоточенный, силу и власть имеющий.

Вечером прочитали с Мариной слова: «и если кто отнимет что от слов книги пророчества сего, у того отнимет Бог участие в книге жизни и в святом граде и в том, что написано в книге сей...»

Первый раз от начала до конца прочитали вслух все Евангелие.

И так хочется прочитать его снова.

28 мая 1997 года, Санкт-Петербург

НЕКРОЛОГ

Сегодня позвонил Слава Белков из Вологды.

– Время идет, и довольно кособоко... – сказал.

– Читал сегодня в «Красном Севере» ваш некролог на Кортаева. Молодцы.

– Какой некролог?

– Ну, который ты с Валерием Гаврилиным написал...

И он прочитал:

«Только-только это было. Налетел, обнял, расце-

ловал. Коренастый, крепкий, весь – движение. И сразу: «Помоги вот ему, это замечательный парень, обязательно помоги, не оставь». И показывает на молодого парня, которого привел с собой, – молодой вологодский композитор, певец.

«Конечно, помогу чем смогу, вот увидишь». Конечно, увидишь – но уже не отсюда. Оттуда.

Нынче все трудно, мучительно трудно и больно. Вот и тебя, богатыря, весельчака, балагура, изранило, свалило, выбило в одну минуту твой добрый, бурливый дух.

А бывало, от одного лишь воспоминания о том, что ты есть на белом свете, делалось веселее, прибавлялось сил и крепости. Теперь тебя нет.

Конечно, остались замечательные стихи, эти чудные песни твоего сердца, теперь разорванного. Остались замечательные, большущие дела. Это все будет жить.

А как нам? Как нам, последним старым русским родной нашей России, отчалившей в сатанинскую непогоду без руля, без весел и без кормчего? А надо помогать, спасать и самим спасаться. Редуют наши ряды, с каждым днем все теснее одиночество.

Господь нас оставит. Но и ты, Витя, не забывай нас. Приди хоть когда – укрепи, присоветуй. Хоть колоском, хоть дождичком, хоть звездочкой. Приходи. И почаще. Ждем.

Питерские друзья – композитор Валерий Гаврилин, поэт Виктор Максимов, писатель Николай Коняев⁶.

Такой вот некролог...

Видимо, его Валерий Гаврилин писал, судя по стилю. Виктор Максимов вообще бы писать не стал, а если бы написал, то иначе...

Здорово сказано: «А как нам? Как нам, последним старым русским родной нашей России, отчалившей в сатанинскую непогоду без руля, без весел и без кормчего?»

И как это правильно, что все равно надо помогать, спасать и самим спасаться, хоть и редуют наши ряды, с каждым днем все теснее одиночество...

Даже слезы на глаза навернулись, когда это прочитал.

И порадовался, что в «Ангеле Родины» вычеркнутый Вадимом Валериановичем Кожиновым эпизод о размолвке с Кортаевым восстанавливать не стал.

Понятно, что Валерий Александрович не задумывался об этом, но так сумел написать, что навсегда примирил меня с покойным Виктором Кортаевым.

Такой вот человек...

И композитор великий, и душа у него великая...

29 мая 1997 года, Санкт-Петербург

ВСТРЕЧА СО СФИНКСОМ

Весь день провел в архиве ФСБ.

Как-то сами по себе подбираются страшные материалы для главы «И о ризах его кидали жребий».

В пять вечера вернулся из архива и сразу звонок Юрия Мамлеева.

Мы познакомились с ним в апреле 1992 года, когда мой старинный знакомый Саша Борисов привез его в Переделкино, где я жил тогда.

Потом выяснилось, что сам Борисов знаком с Мамлеевым всего несколько дней, но тем не менее встреча наша вполне удалась.

Очень глубокими показались мне мысли Юрия Мамлеева, прозвучавшие на переделкинском балконе, упирающемся прямо в нежно-зеленую листву и птичьи голоса.

Помню, я очень повеселился, когда, вернувшись в Петербург, обнаружил, что «Судьба бытия», о которой Мамлеев говорил в Переделкино, появилась в «Вопросах философии» в 1993 году, в № 10-11, как раз к октябрьским событиям.

Нечто похожее произошло и со мною в 1991 году. Мою повесть «Гавдарея», написанную еще в 1975 году, напечатали в «Нашем современнике» в 1991 году в № 6-8, как раз к ельцинскому перевороту.

Забавно было, как одинаково революционные события заглушили наши, быть может, самые главные тексты.

И вот теперь этот неожиданный звонок.

Оказалось, что Мамлеев приехал в Питер.

– А где вы остановились?

Он назвал адрес.

– Так это же рядом с квартирой, которую Татьяна Горичева купила...

– Почему рядом? Мы с женой в ее квартире остановились. Только Тани сейчас нет в городе.

Пока моя Марина готовила ужин, я отыскал номер «Вопросов философии» и сразу наткнулся на запомнившиеся мне слова...

«Решающим является сам момент смерти, – писал Юрий Мамлеев, – во время которого необходимо сосредоточить все свои духовные силы на высших планах: путем забвения земной жизни и отсутствия сожаления о ней, путем молитв, путем предельного сосредоточения всех своих мыслей на Боге и духовной реальности, путем концентрации и медитации о сфере Духа, путем приятия необходимых религиозных таинств. Разумеется, к этому надо подготовиться заранее, еще при жизни, чтобы смерть принесла свои плоды. Но от последних часов и моментов зависит очень многое – в плане будущей жизни. Смерть – это работа, фактически завершение духовной работы при жизни...»

Вот об этом – так это было важно и актуально для меня! – и хотелось поговорить за ужином, но задуманного разговора не получилось.

Весь вечер проболтали об общих знакомых, о ценах в Москве и Париже, о каких-то других ничего не значащих пустяках.

И когда ушел Мамлеев со своей супругой Марией Александровной, даже досада возникла, что так и не поговорили о главном.

И не проходила она, пока, убирая брошенный на диван журнал «Вопросы философии», не наткнулся я на слова: «Остается сказать кое-что о нашей ситуации русских писателей. Универсальный метафизический опыт здесь вполне может совмещаться с определенной литературно-философской традицией: ведь в основе русской литературы лежит грандиозная, еще не раскрытая философия жизни, которая постепенно расширяется до бездн метафизики. Границы этого расширения не определены и не могут быть определены. Но ее «подтекст» связан как с непрерывно углубляющимся пониманием России, так и, по крайней мере, со специфической концепцией человека...»

Русский писатель стоит, таким образом, перед лицом Сфинкса (Россией). Но этот Сфинкс одновременно находится и внутри его души».

4 июня 1997 года, Санкт-Петербург

ЖЕНЩИНА С ПОЛЕВЫМИ ЦВЕТАМИ

Вагон был пустым. Кроме нас, через несколько купе, сидела у окна немолодая женщина с букетом полевых цветов.

И все... Только врывающийся в раскрытое окно поездной ветер шуршал позабытой на сиденье газетой...

Но вот – резко распахнулись створки дверей, в вагон стремительно и властно, как только они и умеют заходить, вошли железнодорожные контролеры.

Проверка заняла несколько мгновений.

Мы показали свои билеты, а женщина, что сидела с букетом полевых цветов через два купе от нас, порывшись в сумочке, вытащила кошелек и раскрыла его перед контролером.

– Это все, что у меня есть... – сказала она. – Зарплату нам Борис Николаевич Ельцин только к концу года обещает заплатить!

– Извините... – сказал контролер и торопливо отошел от женщины.

И лицо его, когда он проходил мимо, было какое-то смущенное, словно это не Ельцин, а он сам и виноват...

Впрочем, о Ельцине-то как раз и не хотелось думать сейчас...

Столько несокрушимой доброты и человечности было во всей этой сцене, что даже и неловко было вспоминать о нем...

8 июня 1997 года, Санкт-Петербург

СМЕРТЬ ОКУДЖАВЫ

Передали в новостях, что вчера в парижской больнице умер Булат Шалвович Окуджава.

Песни его я впервые услышал от брата, когда тот приезжал в Вознесенье на каникулы. Тогда, в начале шестидесятых, такие необыкновенно грустные и такие притягательные, эти песни звучали, как мажорские звуки далеких городов.

Потом много чего приходилось слышать про Окуджаву, но все равно так и не смог отделаться я от поселкового восторга, когда, коверкая мотив и слова, пытался напевать, возвращаясь из школы:

*На дворе, где каждый вечер
Вновь играет радиола,
Где парни танцевали до утра,
Ребята уважали очень Лёньку Королёва
И присвоили ему имя Короля...*

Честно говоря, меня и сейчас восхищает, как мастерски Булат Шалвович вплетал в школьно-комсомольскую романтику воровские мотивы, искусно смешивая пространство городского двора с пространством зоны.

И, видимо, отчасти этим и объясняется то завораживающее обаяние, что присуще его песням. Чувства слушателя дрожали подобно гитарной струне в этой смеси юношески чистой – все впереди! – надежды и близким к отчаянию блатным упоением. И понимаешь все это, но слышишь эту песню снова, и все равно перехватывает дыхание...

Вот об этом сегодня и попытался я рассказать своему приятелю в рюмочной.

– Странно... – сказал я, завершая свою мысль. – Ведь так получилось, что не отцы наши, которые через многое прошли, начали эти песни петь, а студенческая молодежь, которая ни войны, ни лагерей не видела...

– Ага... – согласился приятель. – Потому и запели, что своих песен не научились петь...

13 июня 1997 года, Санкт-Петербург

ПРИВЕТ ОТ ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА

Из Вологды прислали газету «Красный Север» с отрывком статьи Василия Белова «Дорога на Валаам»...

Василий Иванович пишет, что ждал на Валаамском подворье в Санкт-Петербурге, когда выйдет из алтаря архимандрит Панкратий...

«Я стал ждать, но опять не утерпел и спросил уже другого монаха, что же мне делать, поскольку я не знаю отца Панкратия. Хотя это и было не очень-то приятно, пришлось сказать, кто я такой, что за птица и чем занимаюсь. Монах вдруг оживился и назвал себя отцом Александром. Он подал мне ленинградскую газету «Вести». Статья Николая Коняева о возвращающейся в Россию иконе Тихвинской Богоматери заставила меня вспомнить свою историю, длящуюся около тридцати лет...»

Далее идет рассказ, как, отслужив срочную службу, Василий Иванович приехал в Тимонику, к материнскому крову:

«По-видимому, Создатель долго, осторожно и, может быть, бережно пробуждал мою совесть, понемногу приближая к Себе: сперва болью за крестьянскую участь, жалостью к матери, затем юношеской, с шестого класса не умирающей любовью к одной землячке. Далее моя жизнь украсилась интересом к русской деревянной архитектуре, к сочинительству, к хору Юрлова и к «Черным доскам» Вл. Солоухина. И вот явились на моем пути книги Иоанна Лествичника и св. Игнатия Брянчанинова.

Такими ступеньками и притопал я к первой в моей жизни исповеди. Но как долго пришлось подниматься!

Однажды в семидесятых годах в деревне Крутец я случайно забрел в сарай, заполненный сеном. Строение никому не принадлежало. Хозяин давно уехал или умер. Сено же было накошено кем-то из местных колхозников. Коняев говорит в своей статье о чудесах, связанных с Тихвинской иконой Богоматери. Можно ли назвать чудом то, что позднее случилось со мной? Около разломанного входа из-под сена торчал угол какой-то доски. Я откинул сенной пласт – и превосходно сохранившаяся икона глянула на меня печальными глазами Тихвинской Богоматери. Изображение было без клейм. Надпись внизу сохранилась весьма четко, но славянскую вязь с титлами я разобрал с большим усилием:

«Образ Пречистыя Богородицы мерою и подобием против самого Ея чудотворного образа Одигитрии Тихвинския, празд. месяца июня 26-го дня».

Красиво было написано, золотом на светлом охристом поле, непривычным для меня стилем. Я увез икону сначала в Тимонику, позднее в Вологду и всего лишь как живопись повесил над своим рабочим столом. (Помнится, работал тогда с рукописью романа «Все впереди».)

Несколько лет висела «живопись» над рабочим столом...

Все это проносилось в памяти, пока я читал

статью Николая Коняева и гадал, где бы мне ночевать сегодня.

Разве не удивительно то, что отец Александр оказался настоятелем Тихвинского монастыря? Он куда-то исчез, и я всерьез не знал, что делать... Вдруг он появился и со словами «Идите на трапезу» чуть не силой втолкнул меня в какую-то дверь. Я опешил, подался вспять. «Нет-нет, идите! – повторил монах. – Отец Панкратий благословил вас на трапезу...» И вновь подтолкнул меня в нужном направлении. Что оставалось делать?

Вместе с другими монахами я пошел на трапезу».

20 июня 1997 года, Санкт-Петербург

РУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ СЕГОДНЯ

Журнал «Славянин», в котором я печатаю небольшие рассказы, пригласил меня поучаствовать в круглом столе – «Русская национальная идея».

Вначале, как и положено, записные ораторы подробно и обоснованно ругали Бориса Николаевича Ельцина, приводили цифры потерь, сообщали все новые и новые факты разрухи.

В принципе, я тоже поругиваю Ельцина, но сегодня, чем дольше я слушал выступления, тем сильнее нарастало раздражение. Ораторы не просто наслаждались цифрами потерь, не просто упивались сообщаемыми ими фактами разрухи, но такое ощущение возникало, что сброс негативной информации осуществляется целенаправленно.

Мысль была неожиданной, но отнюдь не бессмысленной.

Обдумывая ее, я с удивлением обнаружил, что доступ к какой-либо позитивной информации у нас чрезвычайно затруднен. Более того, любой позитивной информации сейчас явно стремятся придать отрицательное значение.

А ведь нечто положительное все-таки и в нашей действительности можно найти.

Возрождается вопреки всему православие, доселе невиданный взлет переживает патриотическое и православное книгоиздание. За последние два десятка лет и по тиражу, и по количеству наименований в России выпущено книг больше, чем за всю предшествующую историю России.

Много выпускается дерьма, но ведь можно привести и другие примеры. Суммарный тираж трудов святителя Феофана Затворника только за последние годы составил более трехсот тысяч экземпляров. Девяти томная «История Русской церкви» митрополита Макария издана тиражом пятьдесят тысяч экземпляров... Подобным тиражам отцов церкви могут позавидовать авторы детективов и прочей коммерческо-развлекательной литературы...

Конечно, большинство наших достижений относится к нематериальной сфере. И разваленная оборонная промышленность, и деморализованная армия, и полуразрушенное сельское хозяйство гораздо ощутимей для всех...

Все так. Действительно, книги – это книги, а храмы – только храмы... Ими никого не накормишь. Ими не заменишь ракет и танков.

Но ведь мы же своими глазами видели, как без этих книг и без этих храмов рухнула могущественнейшая держава, бессильной оказалась вооруженная самыми совершенными ракетами и танками армия. И разве наши отлично оснащенные спецслужбы сумели защитить нас от захвата Кремля людьми, послушно исполнявшими волю американского конгресса?

В своем выступлении – мне дали слово уже перед завершением круглого стола, я напомнил собравшимся простую и ясную истину, которую заучивали мы на школьных уроках:

*Не будь на то Господня воля,
Не отдали б Москвы!*

Многим из нас трудно соотнести эти слова Михаила Юрьевича Лермонтова с нынешней ситуацией, но это не опровергает истинности их.

Проигрыш компартии на президентских выборах не поддается рациональному объяснению, но мистически он вполне обоснован.

Да, на Ельцина работали все средства массовой информации.

Да, подобно вокзальным наперсточникам, кремлевские политтехнологи разыгрывают одну за другой шулерские комбинации...

Но ведь никакие имиджмейкеры не могли компенсировать той нищеты и бесправия, в которые благодаря политике Ельцина погрузилась наша страна. Что бы ни говорилось о влиянии СМИ на массовое сознание, непостижимо, чтобы оно перебороло влияние и, так сказать, агитацию окружающей человека жизни.

Видимо, причина поражения в другом.

Она в самой оппозиции, в эклектичности и исторической бесперспективности программы, которая предлагается как альтернатива правящему режиму.

Сведение воедино интернационализма и патриотизма, социализма и капитализма, ритуального почитания Ленина и православия сделали нашу оппозицию исторически недееспособной.

Бесчисленные компромиссы и соглашательства, тактически вполне оправданные, привели к стратегическому поражению.

Но иначе и не могло произойти. Болеющие душою за Россию люди идут следом за Зюгановым к ленинскому Мавзолею, не понимая, что во времена владычества «ленинской гвардии» они были бы немедленно расстреляны вместе с самим Геннадием Андреевичем. Ленин и его гвардия в силу своей русофобии гораздо ближе ельцинскому режиму, нежели к нынешней КПРФ.

Разумеется, довести эту мысль до сознания масс нелегко, но пытаться бороться за власть в России под знаменем Ленина бессмысленно.

И слава богу, что не удалось вернуть Россию под ленинские знамена. История России не вернулась в зыбкий заколдованный круг сатанизма и русофобии, именуемой интернационализмом.

И не в этом ли и заключается Божий Промысел? – нам предоставлена сейчас возможность понять самое главное. Понять, что совершенно не важно, какой – коммунистической или капиталистической, демократической или монархической – будет наша страна. Важно, чтобы она осталась русской Россией...

И не отнята у русского человека возможность обрести такую Россию.

Шансов для этого сейчас гораздо больше, чем в середине восьмидесятых, когда усыпленные застойным благополучием и беззаботностью мы уже позабыли, кажется, кто мы.

Сейчас если русский человек и захочет позабыть, что он русский, ему обязательно напомнят.

Одному раньше, другому позже, но обязательно напомнят.

И обязательно – каждому.

И обязательно так, чтобы русский человек уже никогда не забывал об этом...

Об этом и сказал я в своем выступлении.

Вообще-то, я был единственным из выступающих, кто действительно говорил о русской национальной идее в ее современном виде, и хорошо было бы обсудить это, но пора было – в соседнем помещении уже накрывали фуршетные столы! – завершать мероприятие.

26 июня 1997 года, Санкт-Петербург

КОГДА РУШАТСЯ ПОТОЛКИ

Июль начался с того, что дочку Бориса Николаевича Ельцина Татьяну Дьяченко назначили на должность советника Президента России. Сергей Владимирович Ястржембский пояснил, что госпожа Дьяченко будет советником в области имиджа.

Да, вот так и исполняются мечтания наших демократов...

Неделю назад Польша, Венгрия и Чехия получают официальное приглашение вступить в НАТО, а

Украина подписала договор о сотрудничестве с этим военным блоком.

Не осталась в стороне и Россия.

Вчера Борис Николаевич Ельцин объявил о сокращении на треть численности армии.

Ну, а в Томске сегодня, в казарме Высшего военного командного училища, в 5 час. 55 мин. утра обвалились потолочные перекрытия, в результате погибли 11 человек.

18 июля 1997 года, Санкт-Петербург

ПРОЩАНИЕ С КНИГОЙ

Такое невыносимо жаркое санкт-петербургское лето...

Закончил книгу о священномученике митрополите Вениамине...

Вообще-то, поскольку весь материал был собран, можно было уехать куда-нибудь в деревню. Тем более что этим летом меня приглашал к себе на приход священник Алексей.

Я и собирался поехать.

Я даже подумывал, как это символично – закончить книгу о новомучениках российских в селе Мореве, расположенном в том самом месте, где когда-то остановилась движущаяся к Новгороду татарская конница Батыя...

Только поездка откладывалась.

Я уже ознакомился с двадцатью томами дела № 36314, но с оставшимися вышла задержка. Тома эти были не прошиты, и в архиве вообще не хотели выдавать их.

– Там нет ничего интересного... – объясняли мне.

В общем-то, я догадывался, что сами оригиналы стенографических записей я все равно не сумею разогреть, но посмотреть все-таки хотелось.

Хотя бы для очистки совести.

И я добился своего. Мне показали эти неподшитые тома.

И – увы! – ничего интересного там я не обнаружил. Бесчисленные блокноты и тетрадки, покрытые крючками стенографической записи.

Еще в трех томах – конверты, набитые документами и письмами, изъятыми у совсем уж второстепенных персонажей, проходивших по делу церковников.

Почему оказались сохранены они, а не рукопись, изъятая у Юрия Петровича Новицкого, или «три стопы» бумаг, изъятых у архимандрита Сергия, я так и не понял, хотя вчера добросовестно просмотрел и эти документы.

Несколько писем я переписал.

По странному совпадению все они были из новгородского села Морева, куда я, дожидаясь, пока получу тома, так и не поехал...

Адресованы были письма Анне Яковлевне Хаткевич, той самой женщине, которую во время инцидента у церкви на Сенной площади милиционер «прикрепил» к саням, усевшись на Анну Яковлевну сверху.

Сама Анна Яковлевна работала кондуктором трамвая, в дело попала случайно и не была выведена на большой процесс ввиду невозможности обнаружить в ее действиях никакой видимости вины. Но, судя по изъятым письмам, была Анна Яковлевна очень душевным, истинно православным человеком.

Вот, к примеру, всего лишь одна записка, адресованная ей: «Любезная моя Анна Яковлевна! Если найдется свободное время, то навестите Любочку и утешьте ее».

Что и говорить...

Такие записки не пишут людям, которые живут только для себя...

И вот эту-то добрейшую Анну Яковлевну и поддержали ни за что ни про что в тюрьме несколько месяцев...

«Многоуважаемая дорогая кумушка! Шлю я тебе свой сердечный привет и наилучшие пожелания. Кума, я на тебя очень рассердилась. Сколько я тебе ни писала, а от тебя ни одного не получила. Если ты по почте не получаешь, то я ведь тебе посылала с Антипом-племянником, и на твое нет ответа. Может, ты обиделась, что я тебе послала мало гостинца, но я не знала, в Петрограде ты или нет. Я еще посылаю тебе и надеюсь, в городе ты. Я не получила от тебя ответу, зато и не посылаю много гостинца, и племянник больше не берет, не знает, там ты или нет.

Он после этого видел тебя раз на трамвае. Затем до свидания, моя дорогая. Получишь мою посылку и письмо, ешь на здоровье, пиши мне ответ, я живу пока что слава Богу. Извиняюсь за свои гостинцы, сейчас не могу тебе больше послать. Буду ждать от тебя ответ. Адрес мой: Новгородская губерния, Морево, деревня Ивахнова. Анюта».

Похоже, что на это письмо Анюта из Морева ответ все-таки получила. И, похоже, Анна Яковлевна пожаловалась ей в письме, как «прикрепляли» ее к саням, как мыкалась она по петроградским тюрьмам.

«Многоуважаемая и дорогая кумушка Анна Яковлевна! – написала Анюта в ответ. – Шлю я вам свой сердечный привет и наилучшие пожелания. Письмо я ваше получила, за которое благодарю. Кума, чем помират, то приезжай лутче ко мне, в Морево. Как-нибудь будем жить, чем помират. Курицы у меня несутся...»

Нет!

Не зря все-таки сидел я этим летом в невыносимо душном Санкт-Петербурге, дожидаясь недостающих томов. Этих писем явно не хватало для завершения книги.

Я писал в своей повести о подвиге митрополита Вениамина, что не очень-то и понятно, на что, собственно говоря, рассчитывали введенские, мессинги, красницкие, тучковы, замышляя планы переустройства Русской православной церкви...

Ни хитростью, ни лютыми гонениями не удалось им сломить ни патриарха Тихона, ни митрополита Вениамина...

Как же могли они рассчитывать сломить наших бесчисленных моревских Анют, которые и взрастили и патриархов Тихонов, и митрополитов Вениаминов?

«Кума, чем помират, то приезжай лутче ко мне в Морево. Как-нибудь будем жить, чем помират...»

19 июля 1997 года, Санкт-Петербург

ГОРЬКАЯ СУДЬБА «РУССКОГО ХРОНОГРАФА»

Позавчера отнес в издательство «Вера» рукопись своей новой книги «Митрополит Вениамин», и сразу нападения начались – сегодня зашел в «Александр-принт», а там Александр Завенович ошарашил меня, объявив, что они будут издавать мой «Хронограф» в другом виде, подключив соавторов.

– А зачем? – спросил я.

– Ну, мы хотели бы, чтобы там больше было дат, связанных с бытом. Например, когда ложка появилась, когда вилка...

– А когда ложка появилась? – спросил я. – Почему вы решили, что такая дата существует? Я думал, что предметы быта сами по себе без всяких дат появляются...

– Мясников на десять страниц список дат составил, которых у вас в «Хронографе» нет... – сказал Александр Завенович. – Ну так что вы думаете? Только учтите, что в том виде, что у вас, мы «Хронограф» издавать не будем. Согласны на наше предложение?

Вопрос, что называется, на засыпку.

Согласно договору я передал свой «Хронограф» в «Александр-принт» на пять лет.

– Не знаю... – сказал я. – А вы разрешите мне пользоваться моей рукописью по своему усмотрению?

– Я подумаю! – сказал Александр Завенович.

Господи, что за судьба у нашего «Русского хронографа»!

Уже который раз мне выплачивают все деньги и так и не издают *эту книгу*...

30 июля 1997 года, Санкт-Петербург

Такое солнечное утро сегодня... *ИЛЬИН ДЕНЬ*

– А в прежние-то времена, на сенокосе, всегда грозы в этот день бывали! – рассказывала в магазине старушка. – Сено мечешь в стог и слушаешь, не загремит ли Илья-пророк. А сей день, кажись, и не выеде...

– Дак не вечер еще, – сказала другая старушка. – Может, проедется...

– А откуль выедет, если солнце светит?!

– Даст бог, и выедет... Как же без дождя жить – вся картошка засохла!

– Не знаю уж... Конечно, надо бы дождя...

– Так и будет дождь... Нешто Илья свой день упустит?

2 августа 1997 года, Вознесенье

ВСТРЕЧА ОДНОКЛАССНИКОВ

Встречу эту никто не готовил, никто заранее не списывался, просто я встретил одноклассника, как и я, приехавшего отдохнуть в поселок, и вдвоем решили мы зайти к товарищу, который жил здесь...

Но все равно встреча одноклассников получилась...

Невеселая, правда.

Вначале сидели и вспоминали тех, кого уже нет.

– Коля Кисляков умер... Пил последнее время жутко...

– Саша Горбунов...

– Саша уже давно погиб... Кажется, еще в начале восьмидесятых. Авария у них на заводе была!

– А еще Сергей... Он на последней парте сидел... Помните? На озере утонул.

Большой список получился.

Если учесть, что мы и за пятидесятилетний рубеж не перевалили, слишком большой.

Четверти класса недосчитались!

И ведь не войны, не эпидемии, не стихийные бедствия унесли столько жизней.

Нет... Больше всего – водка. Еще – разгильдяйство... Еще – равнодушие и к себе самому, и к другим.

И тут самое время, чтобы от тоски не завывать, о жизни поговорить, кто где устроился, кто как живет...

Но и тут тоже особого оптимизма не возникало.

Большинство из тех, кого мы вспомнили, не шибко удачно в жизни устроились. А многие – увы! – бедствуют.

– Странно... – загрустив, сказал городской приятель. – Помните, раньше, когда школу закончили, все больше о смысле жизни спорили... А

сейчас, с кем только не встречаюсь, один разговор о бессмысленности!

Школьные и студенческие разговоры, как же не помнить?

Студентами приезжали мы на каникулы, ходили на танцы, на озеро ездили компаниями, да и так часто собирались...

И говорили, конечно, обо всем, Окуджаву пели, Высоцкого...

Вино пили... Водку тоже употребляли, но редко и гораздо меньше, чем сейчас. Потом, разбившись на парочки, гуляли до утра...

Как же позабыть такое?

И спорили, конечно. Только о чем – хоть убей! – не вспомнить. Может, и о смысле жизни...

– Да, – вздохнул городской одноклассник. – Наверное, так... Старые мы стали.

– Не молодеем, конечно, – согласился я. – Только ведь мы в этих спорах про Бога и не вспоминали даже! А о каком смысле жизни может идти речь, если мы без Бога искали его? Вот и нашли то, что нашли... Полную бессмысленность.

Не товарищам своим говорил я это, а самому себе. Потому что действительно так и не мог вспомнить, чем еще кроме интеллигентно-блатных песенок и анекдотов сдабривали мы наши встречи.

Но городской одноклассник почему-то обиделся.

– Ты уж совсем... – сказал он. – В религию, как я посмотрю, ударился...

И можно было ответить, что оно и не худо удариться в религию. Только не получается. В церковь хорошо если раз в месяц хожу.

Но не успел я...

– Хватит вам базарить, мужики... – примиряюще сказал местный одноклассник. – Если думаем чего, то поторопиться надо.

И он выразительно посмотрел на часы, как бы показывая, что хотя и рынок сейчас, и свободное предпринимательство, но можно и пролететь с выпивкой, если задержимся с этими разговорами.

– Да! – согласился с ним мой оппонент. – Действительно, надо поторопиться.

Тут и я с ним спорить не стал.

Не так уж и много времени осталось, чтобы не торопиться...

3 августа 1997 года, Вознесенье

РОЖДЕСТВО БОГОРОДИЦЫ

Снова взялся за вторую часть «Семейной хроники» – «Остречинскую Атлантиду».

Это про мать, про то, как жила наша семья в затопленных Остречинах...

И вот, вспоминая прошлогоднюю поездку к Митькиным на Рождество Богородицы, начал пе-

реписывать текст заново, и как-то все стало выстраиваться.

И самое главное, что эта выстроенность проявляется не только в слаженности текста и в мыслях, что возникают в нем, но и в привыкании через воспроизводимую мною жизнь к нашему обгоревшему, растерзанному дележкой дому...

Пишу повесть, и кажется, что стихают надрывные боли, которые я ощущаю сейчас в нем...

Такое ощущение, что тише становится вокруг, яснее, спокойнее.

4 августа 1997 года, Вознесенье

БЕДА

— **В**от беда-то! – пожаловалась сегодня соседка Нина. – Не знаю, который ворона суп поросенку вылил! А там полкурицы было, на неделю хватило бы хлебать.

– А чего тут узнавать? – спросил я. – Все равно новый суп варить придется...

– Придется, – согласилась Нина. – Только если бы узнала, хоть выматюгала бы – отвела душу! Но не признается никоторый...

– А чего признаваться, если сама, дура, и вылила суп! – проворчал с соседского крылечка Виктор. – Схватила кастрюлю с холодильника и не посмотрела даже!

– Полно врать-то! – обернулась к нему Нина. – С чего я буду суп выливать?

– Откуль я знаю с чего? – ответил Виктор.

Сердито выбросил докуренную папироску и ушел в дом.

– А что, Нина? – спросил я. – Может, действительно ты сама и вылила суп?

– Откуда я знаю? – ответила Нина. – Говорю же, не признается никоторый... Вот беда-то!

Вздыхнула и тоже пошла в дом, где живет она сейчас вдвоем с Виктором.

5 августа 1997 года, Вознесенье

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Ходил сегодня в каменные дома.

Сразу за нашим огородом, на задворках, играют дети. Носятся по пустырю, прячась друг от друга.

Прятаться есть где...

Повсюду здесь раскиданы вросшие в землю бетонные блоки.

И так живо припомнилось, что в детстве и мы играли точно так же.

Слома голову носились на «старых дорожках» – расчищенном среди развалин фундамента разбомбленного дома. Только это было не здесь, на пустыре, а ближе к лесу, где поднимаются теперь корпуса цехов.

Впрочем, уже не цехов...

Рассказывали, что здания эти проданы какому-то кооператору под склады.

А здесь? Здесь долгое время и был пустырь, пока в конце восьмидесятых не решили построить тут плавательный бассейн. Выкопали котлован, установили сваи фундамента, засыпали песком и залили бетоном, потом навезли всяческих железобетонных конструкций, и все – начались реформы, не до строительства стало.

Вместо плавательного бассейна досталось детям место для игры в прятки.

Совсем другого происхождения эти прятки, чем наши, но я смотрел на играющих детей и забывал об этом.

Ничем не отличались их игры от наших, послевоенных игр. Не отличался ничем и этот пустырь от нашего послевоенного пустыря...

И какая разница, после какой войны остался он?

6 августа 1997 года, Вознесенье

Встретил сегодня приятеля.

МЕЧТА

Он сидел на мостках возле своего раскрытого гаража и курил. Рядом с ним крутился его девятилетний сын.

– А кем ты собираешься стать, когда вырастешь? – спросил я у него. – Не думал еще?

– Думал... – ответил мальчик.

– И что же выбрал?

– Пенсионером хочу стать, как дедушка!

Видимо, лицо у меня здорово вытянулось от изумления, потому что приятель поспешил взять инициативу в свои руки.

– Глупый еще... – он взъерошил сынишке волосы. – Что видит, то и говорит. Нам-то давно уже ни хрена не платят, а пенсионерам вроде выдают пенсию, хоть и не регулярно. Так что у нас теперь дед – главный кормилец в семье... Вот и этот тоже, в пенсионеры наладился.

И с шутовой сердитостью он оттолкнул от себя сына. Мальчишка отошел, а я сидел и не знал, что и сказать.

– Глупое дело... – выходя из гаража, сказал отец приятеля. – Платят-то с чего пенсии? Заводы продают да нефтяные скважины. Ну, землю еще продают... А когда кончится все, с чего потом пенсии платить станут?

– Слышал?! – сказал сынишке приятель. – Вот так-то... К чему теперь молодежи стремиться у нас? Никакой перспективы не осталось.

Он шутил. Или – не шутил...

Это нынче у нас не всегда и понять можно...

8 августа 1997 года, Вознесенье

НОЧЬ

Теплые августовские ночи.
 Допоздна пишу «Остречинскую Атлантиду».
 Тихо так, что слышно, как у соседей падают яблоки.
 Кажется, будто кто-то ходит там по саду...
 У нас во дворе – дуб. Тяжелой громадой темнеет в ночи раскидистая крона. Дальше за этим сгущением темноты в ночи слабо поблескивает река.
 Пейзаж почти такой же, как у Рубцова:

*Высокий дуб... Глубокая вода...
 Спокойные кругом ложатся тени,
 И тихо так, как будто никогда
 Природа здесь не знала потрясений...*

И настроение здесь такое же, как в рубцовском стихотворении...

Сегодня услышал у тетушки, что умер мой приятель Венья Феопентов.

А ведь мужик крепкий был. У себя, в Приозерске, преподавал в школе труд и физкультуру.

Когда мы виделись в последний раз, Венья рассказывал, что через год выйдет на пенсию и обязательно переберется в поселок, в свой дом на берегу реки.

Но не перебрался...

Не успел выйти на пенсию...

Грустно. Еще грустнее от мысли, что редко кому сейчас в России удается осуществить такие обычные планы.

И смотришь на озаренную редкими огоньками бакенов реку, и так трудно, так невозможно представить, что уже никогда больше не приплывет с той стороны Венья.

Тихая, теплая ночь вокруг.

Слышно, как падают в соседском саду яблоки.

Кажется, будто кто-то ходит там, в темноте...

10 августа 1997 года, Вознесенье

ОСТРЕЧИНСКАЯ АТЛАНТИДА

Описал «Остречинскую Атлантиду».
 Закончил ее описанием поездки на плавучие острова.

Мы приехали туда на «Водорезе».

Островок, возле которого остановились, был около километра в длину и метров четыреста в ширину. И ни деревца, ни кустика на нем, только покрытое рыжеватым мохом болото.

– А где клюква-то тут? – оборачиваясь к катеру, спросил я.

– Ты ногу-то подними... – ответил с катера капитан.

Осторожно я вытащил увязший во мху сапог.

Весь след был багово-красным от ягод.
 Словно бы сразу затек кровью...

Эти плавучие острова и были остатками Остречин. Разлившись, Ивинское водохранилище подняло остречинское болото. Потом его разорвало на куски, и так образовались плавучие острова.

Уже в семидесятые годы, чтобы острова не уплывали и не забивали агрегаты Верхнесвирской ГЭС, установили бетонные сваи.

Издали они схожи с могильной оградкой.

Могильная ограда посреди дикой нежили и глухомани, посреди бескрайних, как потоп, серых вод...

11 августа 1997 года, Вознесенье

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Вернулся из Вознесенья и весь день занимался делами. Получил накопившиеся переводы, получил в «Азбуке» пять неденоминированных миллионов – аванс за «Беринга»...

Еще съел с Мариной шестикилограммовый арбуз и то ли объелся, то ли отравился, но два дня провалялся в постели.

Только вчера оклемался.

Сегодня Преображение Господне. Хотели пойти в церковь, но проспали праздничную службу.

Бог знает из какой дали позвонила – они только что вернулись из Вознесенья – сестра Саша. Сказала, что они сделали перегородку и переставили нам железную дверь...

19 августа 1997 года, Санкт-Петербург

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Сегодня мой день рождения.
 Ходил в издательство «Вера».

Заклучил договор на «Вениамина». Взял 1500000 рублей аванса.

Этакий вот подарок получил на день рождения.

Вечером сидел с приятелем, играл в шахматы, когда по телевизору объявили, что подписан президентский указ об учреждении в Санкт-Петербурге общероссийского государственного телевизионного канала «Культура».

– Ишь как! – сказал я, обдумывая ход. – И Борис Николаевич тоже с подарком подсуетился...

– Ты еще не всё знаешь... – сказал приятель. – НАТО тоже тебе подарок приготовило.

И действительно, тут же передали по телевизору, что на Черном море начались военно-морские учения сил НАТО совместно с Украиной, Турцией, Румынией, Болгарией и Грузией.

Да, действительно...

Заботятся о нас, ничего не скажешь...

25 августа 1997 года, Санкт-Петербург

СПАСИТЕЛЬНАЯ ДАЛЬ РОМАНА

Пишу «Ревизию командора Беринга».

И как-то странно и безболезненно доносятся в мое романное удаление московские новости...

Вот выходит к пикетчикам у Дома правительства первый вице-премьер Борис Ефимович Немцов и жизнерадостно сообщает, что долги по оборонке за прошлый год выплачены уже на 80%...

Вот Борис Николаевич Ельцин выступает на открытии очередной сессии Совета Федерации и заявляет, что «у оппозиции нет позиции, а есть только крик и политическое хамство»...

Насчет хамства верно сказано...

Как иначе назвать то, что в сентябре правительство не может рассчитаться с работниками оборонного комплекса еще и за прошлый год?

Вот так и наплывают одна на другую новости в моей романной дали.

А что же с теми, кому ни в какой спасительной дали от этого президента и его реформаторов не укрыться?

24 сентября 1997 года, Санкт-Петербург

МИФОЛОГИЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ

Какие бы выдающиеся творения не создал человек, все равно собственная жизнь его – произведение не менее важное и поучительное, чем то, что создано им в искусстве, в литературе.

Другое дело, что, в отличие от эстрадных кумиров, жизнь настоящих мыслителей и художников не распаивается настезь в рекламных целях, а напротив – замкнута, зачастую прикровенна, и потому со стороны кажется, что она неотличима в своей обыденности и обыкновенности от бесконечных тысяч других жизней.

Эти мысли возникали у меня по ходу чтения совсем недавно выпущенной в серии «Жизнь замечательных людей» книги Азы Тахо-Годи «Лосев».

Мне не посчастливилось лично знать Алексея Федоровича...

Но появление его работ я воспринимал не просто как явления культурной жизни, а в буквальном смысле как события творческой жизни многих моих знакомых.

Как и все, я охотился за его «Эстетиками», ходившими в семидесятые годы...

Как и все студенты Литературного института, слушал курс лекций по античной литературе, который читала Аза Алибековна Тахо-Годи, книгу которой и разбираю сейчас.

Правда, о том, что она является другом и ближайшим помощником Алексея Федоровича Лосева, мы, студенты, тогда не знали...

Не знали мы и о том, что 3 июня 1929 года – Алек-

сею Федоровичу было тогда тридцать шесть лет – он принял вместе со своей женой Валентиной Михайловной тайный постриг.

Потом были аресты, долгие двадцать с лишним месяцев, проведенных во внутренней тюрьме Лубянки, и наконец приговор – десять лет лагерей.

Еще когда шло следствие, Лазарь Моисеевич Каганович назвал А.Ф. Лосева классовым врагом.

По житейской логике, в суровом Свирьлаге и должен был завершиться жизненный путь исследователя мироощущения Эсхила и эроса Платона, автора опальной «Диалектики мифа».

Но житейская логика неприменима к житию, к которому все более и более приближалась жизнь Алексея Федоровича. Господь посылает испытания, но дает и силы выдержать их, выстоять там, где без духовного вспомоществования не выстоит и самый физически сильный человек.

Большая – он прожил 95 лет! – жизнь Алексея Федоровича Лосева – лучшее доказательство этому.

Ни годы гонений, ни лагеря, ни литературная казнь (двадцать три года не публиковали его!), ни подкрававшаяся еще в Свирьлаге слепота не сломили его.

Даже по своему объему труды А.Ф. Лосева превосходят воображение. В разделе «Главные печатные труды А.Ф. Лосева» сорок названий. Среди них единой позицией отмечена 8-томная «История античной эстетики».

Воистину – титанический труд. А через какие мытарства должны были пройти эти книги на пути к читателю?!

Я сам был свидетелем мытарств его книги о Владимире Соловьеве.

В 1984 году я ездил в командировку на север Красноярского края. Там в глухом таежном поселке, в магазине, где торговали водкой, хлебом и консервами, и увидел я высокую стопку сосланных сюда книжек Лосева «Вл. Соловьев».

Книгу эту я безуспешно пытался достать в Ленинграде и поэтому купил сразу три экземпляра.

– Покупали бы уж все... – сказала продавщица. – Чего ее сюда привезли? Уже полгода лежит...

Мысль продавщицы мне понравилась.

Книжка стоила всего двадцать пять копеек, и ее вполне можно было отвезти в Ленинград в качестве таежного сувенира.

Но до Ленинграда книгу я не довез.

В Москве в редакции «Студенческого меридиана» мое приобретение увидел Юрий Ростовцев и сказал, вздохнув, что самому Алексею Федоровичу в издательстве выдали всего десять экземпляров книги.

Ленинградские приятели остались тогда без сувенира, зато очень скоро одна из книжек вернулась ко мне с трогательной надписью самого Лосева...

И вот его биография...

Азе Алибековне удалось глубоко и точно воссоздать жизнь Лосева-философа, Лосева-художника, Лосева-инока, удалось передать светозарную, православную наполненность этой подлинно русской жизни...

Как-то очень живо понимаешь, читая ее книгу, что жизнь Алексея Федоровича Лосева – часть нашей жизни, часть жизни России, жизни, прожитой ради России.

«Так я встречалась с невидимым пришельцем ежедневно. Каким-то нездешним чутьем поняла – это Оно пришло. Только не страшная смерть с косой, а благородный вестник сидит поутру на страже, охраняя от вторжения безобразной костлявой гостьи, приготавливая тихий, благой переход туда, где нет ни печали, ни воздыхания, а жизнь бесконечная. Не было страшно. Боялась вслух говорить об этом нездешнем явлении и рассказала уже после кончины Алексея Федоровича сидящим за нашим столом друзьям и записала для памяти.

Шел май, близился день св. Кирилла и Мефодия...»

В этот день завершил свои земные дела и ушел от нас один из самых крупных мыслителей XX века, русский философ Алексей Федорович Лосев...

Прекрасная книга.

Великая, схожая с мифом, проблемами которого он занимался столько лет, биография человека, который и сейчас остается с нами...

5 октября 1997 года, Санкт-Петербург

С утра писал роман о Беринге. **ВСТРЕЧИ**

Потом пошел на православную выставку.

Выставка как праздник. Масса знакомых, масса полезных и приятных встреч. Самая приятная – встреча с моей только что изданной книжкой «Последние дни митрополита Иоанна».

Брошюрка, а все равно приятно.

Вечером – встреча в Союзе писателей с китайскими писателями Лю-Сянь-Пином, Ван-Чан-Яо, Хуан Чжен-Хуэем, Чжан Пином и заведующим отделом «Жеминь жибао» Дин-Чжен-Хайем.

Читая по-русски Пушкина, китайцы ненавязчиво продемонстрировали, что знают русскую литературу гораздо лучше, чем мы китайскую.

Восхищаясь этим, я прочитал на память отрывок из любимой мною новеллы Лэ Ши «Ян Гуйфэй»:

«В другой раз, на ночном пиру, Ань Лу-шань заснул, охмелев, и превратился в свинью с головой дракона. Придворные тут же доложили об этом императору.

– Этот свино-дракон, пожалуй, ничего дурного сделать не способен, – решил император.

И так как его вовремя не умертвили, он потряс мятежами все Срединное государство».

И вот тут-то и выяснилось, что никто из китайцев, говорящих по-русски, не понял, что я читаю.

Я подумал было, что наши гости плохо знакомы с китайской литературой эпохи Сун, но когда переводчица спросила: «А кто такая Сун?» – сообразил, что не так все просто в Китае, как я надеялся.

23 октября 1997 года, Санкт-Петербург

Завтра – первая суббота ноября. **ДМИТРОВСКАЯ СУББОТА**

«Дмитровская суббота»...

Шесть столетий назад возвращались с Поля Куликова рати Дмитрия Донского, и радость, как сообщает летописец, была на Москве, но и печаль великая – многие, многие русские воины сложили головы на берегах Непрядвы...

И опечалился святой Сергей Радонежский, встречавший князя...

И установил праздник поминовения.

И вот уже шестьсот с лишним раз поминала с тех пор Русская православная церковь в эту первую ноябрьскую субботу всех усопших и в особенности тех, кто пал на поле брани, кто сложил свою голову за Родину...

Рассказывают, что афонский монах своим очищенным молитвами духовным зрением узрел однажды души павших воинов, слетающиеся в этот день в храмы...

Дмитровская суббота – один из самых почитаемых на Руси праздников. Вот и я, грешный, тоже отправился нынче во Владимирскую церковь на повечерие.

Шел и думал, что уж у меня-то есть кого помянуть...

И из старшего поколения, прошедшего Великую Отечественную войну, да и из своего тоже. Многие мои сверстники уже перебрались на тот свет, и – где они сейчас – один Бог ведает...

Нет, не в бою, не на поле брани они пали, но, с другой стороны, где сейчас поле брани находится, тоже ведь одному Господу ведомо...

С этими мыслями и переходил я через так и не переименованную в Николаевскую улицу Марата, и тут откуда ни возьмись на полном ходу прямо на меня из-за поворота вылетел мерседес.

Сам не понимаю, как я с больной ногой успел отпрыгнуть. И, конечно, и в помине не осталось прежних благочестивых мыслей...

– Козел! – завопил я не своим голосом вслед улетающему мерседесу. – Мать твою, перемать... Чтоб тебе!

Впрочем, тут же опомнился. Пробормотал: «Господи, помилуй!» и поковылял дальше.

К повечерию во Владимирской церкви я, конечно, припозднился. Когда вошел в храм, слышно было, что уже поют наверху.

Торопливо перекрестился и начал подниматься по лестнице.

И тут, как тот мерседес на улице, едва не сшибив меня с ног, выскочил из-за поворота лестницы пьяный матерящийся парень.

– Ни хера Бога нет! – прокричал он и промчался мимо.

Ну, аки бес...

И что самое обидное, очень похожий на меня, того, который вслед улетающему мерседесу на улице ругался.

Перекрестился я еще раз и, осторожно ступая на больную ногу, потихоньку продолжил свой подъем наверх, в церковь...

А там, в храме, так хорошо, так тихо и ясно, что, кажется, еще чуть-чуть и сам увидишь, подобно афонскому монаху, слетевшиеся в храм души усопших...

О них молишься, а получается, что о себе и еще о том, чтобы, как все шестьсот минувших лет, и далее молились в эту Дмитровскую субботу во все времена до скончания века.

31 октября 1997 года, Санкт-Петербург

БЕЗ ФРАЗ И ХВАСТОВСТВА

Помню, ораниенбаумская электричка отходила от платформы «Володарская» и в окно вливалось приземистое, увенчанное уродливой пирамидой с башенками по углам здание.

Размещался тут магазин, потом – милиция, потом рядом с часовней сделали «кольцо» автобусов, а в здании с башенками устроили диспетчерскую и билетную кассу.

Однако ничего не приживалось, и здание окончательно забросили.

Обвалилась штукатурка. Нелепо и страшно темнели за резными колоннами горбыли, которыми второпях заколотили вход в часовню. Больно было смотреть на эти руины, вставшие рядом с линией электричек.

И теперь, приехав сюда, чтобы обсудить с отцом Валерием его предложение написать книгу о храме преподобномученика Андрея Критского, увидев часовню, я не сразу и узнал ее.

Легко и празднично возносились ввысь маковки с крестами.

Восстановленная круговая галерея придавала часовне нарядность и создавала особый дворцово-пригородный колорит. Наверное, и невозможно было найти более адекватное архитектурное ре-

шение. Как бы тягостно и пасмурно ни было на душе, тут ощущаешь радость и сердечную теплоту...

С разговора о часовне и начался наш разговор с настоятелем прихода Андрея Критского священником Валерием Швецовым.

Он рассказывал, что в 1992 году приходу передали руины, а уже в начале 1994 года отслужили литургию.

– Этот день, 22 января, я никогда не забуду... У всех, кто пришел в церковь, лица светились. Закончилась литургия, а никто не расходится, пытаются вместить в себя это чудо и не могут. Невозможно вместить невместимое...

Еще отец Валерий рассказал, что, если пройти от железнодорожной линии в глубь поселка, попадешь к зданию, в котором размещается церковь Андрея Критского и – нынче в это поверить трудно! – богадельня, где нашли приют одинокие верующие старушки.

– Все бабушки у нас большие молитвенницы... – сказал отец Валерий. – И ведь какие чудеса бывают. Одна женщина с церебральным параличом четыре года с коляски не вставала, а у нас ходить стала...

Конечно же, исцеление такой женщины сделало бы честь любой оснащенной по последнему слову медицинской техники клинике. Но все же главное чудо не в этих чудесных исцелениях, а в самом существовании приюта.

Прощаясь, отец Валерий сказал, что в бытность свою студентом Ленинградского университета, где занимался астрофизикой, он тоже видел руины церкви «Всех скорбящих радость», но как бы и не замечал их тогда.

– Как-то и ни к чему было... Меня тогда поиски «первопричины всего сущего» занимали. А потом, помните, как Ньютон говорил: «Малое знание нас удаляет от Бога, большое – приближает»? – я понял, что Бог должен быть, что без него ничего не может быть. Только это понимание тоже не давало удовлетворения, потому что это была просто идея. Я понял, что Бог есть, но умом понял, а не сердцем. Сердцем я начал понимать это, когда пришел в церковь.

12 декабря 1991 года отец Валерий был рукоположен в иереи...

И, наверное, это и дало ему силы заврачевать руины часовни «Всех скорбящих радость», с Божией помощью сотворить все то, чему и дивился я, знакомясь с жизнью прихода Андрея Критского...

Об этом и думал я, когда проплыли за окном буквы «Платформа Володарская» – такие нелепые рядом с восстановленной церковью «Всех скорбящих радость».

Как мертвое рядом с живым...

Отвернувшись от этого страшного большевистского имени, я открыл захваченную из дома книгу про императора Александра III и сразу попал глазами на его письмо К.П. Победоносцеву...

«Как завидуешь людям, которые могут жить в глуши и приносить истинную пользу, и быть далеко от всех мерзостей городской жизни, и в особенности петербургской. Я уверен, что на Руси немало подобных людей, но о них не слышим, а работают они в глуши тихо, без фраз и хвастовства».

И так созвучно мыслям и чувствам, появившимся у меня в приходе преподобномученика Андрея Критского, прозвучали эти слова, что показалось: про здешних прихожан и про их настоятеля и написаны они «самым русским» царем...

4 ноября 1997 года, Санкт-Петербург

ВСЕХ СКОРБЯЩИХ РАДОСТЬ

Сегодня праздник иконы «Всех скорбящих радость».

Утром помолвился, потом писал роман, потом ходил в Союз писателей, разговаривал с итальянской критикессой.

После хотел зайти в библиотеку, но там объявление – «В связи с предпраздничным днем библиотека работает до 16.00».

«Ничего себе, – подумал. – Хорошая, конечно, икона «Всех скорбящих радость», но все-таки сколько таких икон у нас!»

Но оказалось, это не икону «Всех скорбящих радость» праздновали, а – как это я запомнил – Октябрьскую революцию.

Вечером занимался с Андреем Романовым своим стихотворным буклетом «Террористы». Включил в подборку почти все свои стихи, написанные в Минске двадцать лет назад.

Перечитывал их:

*Когда непосильные крылья
Просил и молил у Бога,
Не знал, что так косо и криво
Протянет судьба дорогу...*

*Но поздно... Отчаянным грузом
Свисают могучие перья.
И глупая кошка – Муза
Крадется в открытые двери.*

– и порою возникало ощущение, что сейчас и начинают сбываться они...

6 ноября 1997 года, Санкт-Петербург

Глава четвертая

ОСТАНКИ

НЕБЛАГОДАРНОЕ ДЕЛО

Все так зыбко, так неопределенно в нашей жизни стало, что ни о чем и ничего наверняка сказать невозможно.

Что хорошо, а что плохо теперь, никакой Владимир Владимирович Маяковский не разберет.

Вот говорят, например, что писатели плохо живут...

В принципе, я и сам писатель и вроде бы уж наверняка знаю, что да, неважно живут наши мастера и подмастерья слова.

Но, оказывается, это смотря какие писатели.

Например, авторы книги «История приватизации в России» получили в издательстве «Сегодня-пресс», которое контролируется группой ОНЭКСИМ, 450 000 долларов за еще не написанную брошюру.

– И кто же эти мастера пера? – поинтересовался у меня приятель, когда я порадовал его этим известием. – Имена-то хоть знаешь?

– Ну, еще бы не знать! Это, во-первых, Альфред Рейнгольдович Кох, который одно время отвечал за проведение залоговых аукционов, а в последние годы возглавлял Госкомимущество России! Во-вторых, это правнук соратника В.И.Ленина Соломона Абрамовича Лозовского – Максим Владимирович Бойко! Он одно время руководил Российским центром приватизации, а в последнее время был заместителем главы Администрации Президента. В-третьих, это бывший председатель Государственного комитета РФ по управлению государственным имуществом, а теперь – первый заместитель руководителя Администрации Президента Александр Иванович Казаков. В-четвертых, руководитель Федеральной службы по делам о несостоятельности и финансовому оздоровлению в правительстве Петр Петрович Мостовой. И, наконец, это сам Анатолий Борисович Чубайс! Все они, как сказал сам Анатолий Борисович в интервью газете «Коммерсантъ», и являются коллективом, «который, собственно, и занимался созданием частной собственности в нашей стране...».

– И сколько же они, говоришь, получили?

– Почти полмиллиона долларов...

– На всех?

– На всех...

– Небогато... – сказал приятель и, вздохнув, добавил, что АКБ «ОНЭКСИМ банк», получивший в ходе залоговых аукционов контрольный пакет акций

«Норильского никеля», мог бы и пощеднее отблагодарить коллектив, занимавшийся «созданием частной собственности в нашей стране». Неужели это вся благодарность за «Норильский никель»?!

И я даже расстроился, услышав это.

За Альфреда Рейнгольдовича Коха, за Максима Владимировича Бойко, за Александра Ивановича Казакова, за Петра Петровича Мостового... Ну и, конечно, за Анатолия Борисовича Чубайса расстроился.

Жили бы, как все чиновники, так нет, решили на писательские хлеба рвануть. Вот и обжали их в издательстве «Сегодня-пресс»! Ободрали как липку.

Нет...

Что ни говори, а все-таки неблагодарное это дело – занятие литературой...

15 ноября 1997 года, Санкт-Петербург

СЕРЕДИНА РОМАНА

Приближается к середине мой роман о Беринге. Четвертая глава романа завершается 1733 годом...

Страшный голод после двух засушливых, неурожайных лет бушевал тогда в России. Кое-где пытались даже раздавать хлеб голодающим, но чаще всего – с большим опозданием, когда часть крестьян успевала умереть с голоду, а часть – убежать в Польшу или еще куда.

А в Санкт-Петербурге, где ничто не напоминало о бедствии, охватившем всю страну, достроили наконец-то Петропавловский собор и предали земле гроб с телом Петра I.

Через восемь лет после кончины наконец-то добрался государь Петр Алексеевич до своей могилы...

И так получилось, что к этому сроку всё устроилось по его воле.

По деревням воинские команды рыскали, ловили беглецов, производили экзекуции.

Даже капитан-командора Беринга и того снева снарядили в экспедицию, чтобы исполнил он наконец не исполненную в первой экспедиции петровскую волю...

1733 год...

Середина романа...

20 ноября 1997 года, Санкт-Петербург

ПРАЗДНИК ЦЕЛИННИКОВ

Помню, еще в школе написал стихотворение про целинников.

Само стихотворение забылось, но две строчки остались в памяти:

*Я вспомнил казахстанские дороги
И золото хлебов Целинограда...*

Разумеется, никаких казахстанских дорог я не знал тогда и вспоминать мне было нечего, но сейчас, много лет спустя, когда всплыли в памяти эти строчки, при всей своей наивности они не показались мне надуманными.

Наверное, это произошло потому, что стихотворение было написано в те годы, когда о целине говорили так много, что каждый русский человек тогда как бы находился на целине и каждый из нас немножко был целинником.

И вот теперь исполнилась заветная мечта первоцелинников.

Город Целиноград стал столицей Казахстана.

Хотя, конечно, не Целиноградом, а Акмолой...

Но об этом русские парни и девчата, уезжавшие сорок лет назад поднимать казахстанскую целину, вряд ли мечтали...

10 декабря 1997 года, Санкт-Петербург

ЗАХОДИЛ сегодня отец Валерий. *АЛЛИЛУЙЯ*

Рассказал, что третий храм открылся в его приходе...

– И где это?

– В Психоневрологическом интернате № 7...

– А прихожане кто? Там же ведь дауны содержатся...

– Вот они и прихожане мои...

– Трудно там служить?

– Первый раз трудно было... Сейчас уже легче. Сейчас уже привыкли ко мне. Сегодня пришел в интернат, узнают. Радуются...

– А как радуются?

– Аллилуйя, говорят, пришел... – смущенно ответил отец Валерий.

17 декабря 1997 года, Санкт-Петербург

ПОДАРОК

Отец Евстафий привез икону преподобного Кирилла Новоезерского и благословил ею меня на творчество.

Икона замечательная.

Преподобный Кирилл Новоезерский стоит на берегу Огненного острова, где сейчас размещен знаменитый «Вологодский пятак», и за спиной его теснятся не тюремные корпуса, а храмы...

Отец Евстафий рассказал, что, прежде чем

принести икону в нашу квартиру, он держал ее сорок дней в алтаре...

Такой вот подарок.

22 декабря 1997 года, Санкт-Петербург

ЗАСТРЯВШИЕ

Очень медленно идет у меня работа над «Ревизией Беринга». Опять застрял в романе, как Беринг в Якутске.

Сижу и правлю уже написанные главы.

Не радуют и новости уходящего года...

Борис Николаевич Ельцин распорядился вернуть на прежнее место погранпост «Верхний Ларс», передвинутый, чтобы пресечь ввоз в Россию некачественного турецкого спирта. Главный пограничник, не согласившийся с этим решением, освобожден от занимаемой должности.

Шахтеры Анжеро-Судженска снова перекрыли Транссибирскую железнодорожную магистраль, требуя выплаты заработной платы за последние десять месяцев...

Совершено нападение на российский танковый батальон в дагестанском городе Буйнакске. Нападавшие, разговаривая на чеченском языке, повредили пять танков, шесть бронетранспортеров, восемь грузовиков.

В самом городе они подожгли две электростанции.

Есть убитые и раненые...

Слушаешь это, и такое ощущение, что уходящий год застрял в этих выпусках новостей.

23 декабря 1997 года, Санкт-Петербург

ТАМ, ГДЕ МОЙ НАРОД, К НЕСЧАСТЬЮ, БЫЛ

Был сегодня в выставочном зале ЛОСХа, где проходит первый тур городского конкурса на лучший проект памятников Анне Андреевне Ахматовой, Федору Федоровичу Ушакову и Ивану Сергеевичу Тургеневу.

Памятник адмиралу Ушакову предполагается воздвигнуть в районе метро «Черная речка», писателю Тургеневу встанет на Покровской, носившей до начала перестройки его имя, площади...

А Анна Андреевна Ахматова опять придет на набережную Робеспьера, встанет на крыше подземного гаража элитного дома, напротив тюрьмы «Кресты», совсем недалеко от внутренней тюрьмы НКВД, где когда-то и стояла она, живая, в тюремных очередях...

*Здесь, где стояла я триста часов
и где предо мной не подняли засов...*

Эти слова из «Реквиема» А.А. Ахматовой – как раз о памятнике, вернее о том месте, где он должен стоять. Не в Царском Селе, не на берегу моря, а именно здесь, на холодном ветру тюремных очередей.

Место для памятника Ахматова сама выбрала, хотя и не подозревала, конечно, что оно окажется на крыше подземного гаража новых русских.

И образ памятника тоже выбран самой Ахматовой.

Менее всего хотелось ей видеть себя на памятнике декаденски-утонченной посетительницей модных артистических салонов или царственной старухой последних лет жизни...

Мой приятель скульптор Сергей Алипов в своем проекте памятника как раз и попытался увидеть Ахматову тюремных очередей.

В руке – сетка с передачей для томящегося в тюрьме сына...

На плечах – раздутый ветром платок...

Скульптура как бы соединяет в себе и тончайшую поэзию А.А. Ахматовой, и то неизбывное материнское горе, которое рождало строки «Реквиема», когда «ненужным довеском болтался возле тюрем своих Ленинград».

Вот и памятник будут воздвигать, когда наш город тоже болтается не шибко-то нужным довеском возле своих банков.

И есть, есть какой-то мистический смысл в преображении места, выбранного Ахматовой для памятника.

Меняются эпохи.

Поэта из тюремной очереди ставят на крышу подземного гаража элитного дома, но место самой Ахматовой не меняется.

Она по-прежнему остается там, «где мой народ, к несчастью, был»...

24 декабря 1997 года, Санкт-Петербург

ПЕЩНОЕ ДЕЙСТВО

Принарядились к празднику чистым и пушистым снегом улочки Старой Ладogi.

По переулку, тонущему в глубоких сугробах, поднимаешься к церкви Иоанна Предтечи, и тут, на крутом берегу Волхова, перехватывает дыхание – такая синь кругом, такая мощь речной излучины!

Обжигает щеки морозный ветерок, тянущий с закованного в лед Волхова.

И в этом просторе, в этой синеве, в колющем морозце – тоже ощущение приближающегося великого праздника. Как-то очень явственно разли-

то на былинном кургане сосредоточенное ожидание предрождественских дней...

А в самой церкви, хотя давно уже закончилась служба, необычно много детей. В трапезной, со стен которой строго смотрят святые и иерархи, – детские голоса. Идет репетиция «Пещного действия», создаваемого юными прихожанами под руководством настоятеля церкви иеромонаха Евстафия.

В основе действия – библейская история из Книги пророка Даниила. Царь Навуходоносор сделал золотого истукана и заставил народ поклоняться ему. Только трое отроков не поклонились золотому идолу. Навуходоносор приказал схватить их и, связав, бросить в огненную печь. Неминуема была гибель отроков, но сошел ангел Господень, раздвинул огонь, и хотя на сорок девять локтей, как написано в Библии, вздымалось вверх пламя, никакого вреда не нанесло оно сохранившим веру в истинного Бога отрокам.

Чин Пещного действия – древняя и – увы! – забытая сейчас традиция церкви. Совершался он перед Рождеством в день памяти пророка Даниила и трех святых отроков.

И разве не символично, что возрождается эта прерванная традиция в храме Рождества Иоанна Предтечи, возносящем свои зеленые маковки на древнем кургане над Волховом? На том самом кургане, где, согласно преданию, стоял некогда святой Нестор Летописец, размышляя, «откуда есть пошла русская земля»...

И как отрадно, что именно здесь и собрался детский приход из полузаброшенных родителями старолadoжских ребят, для которых церковь стала родным домом!

«Детский приход» – особая забота отца Евстафия.

Многие дети поют в церковном хоре, некоторые – за счет церкви! – учатся в музыкальной школе.

И, конечно, все они заняты в нынешнем Пещном действе.

Одни изображают царя Навуходоносора, его приближенных и воинов, другие – святых отроков. А вот с ангелами даже и перебор получился. На эту роль сразу трое девочек попросилось. Пришлось расширить действие, ввести в него еще двух ангелов.

– Что же делать, если столько желающих ангелами стать? – улыбается отец Евстафий. – Как же можно помешать этому...

29 декабря 1997 года, Старая Ладога

ДЕНОМИНАЦИЯ

Вместо новогодних подарков: деноминация – в 1000 раз! – рубля и разговоры о сотнях триллионов рублей и миллиардов долларов государственного долга.

Зачем, спрашивается, так слабо деноминировали рубль?

Чего там тысяча, в миллион раз деноминировать надо было.

Может, тогда и не пришлось бы долги триллионами считать...

А другого способа при нынешней власти все равно не будет.

2 января 1998 года, Санкт-Петербург

СМЕРТЬ КОМАНДОРА

Закончил «Ревизию командора Беринга»...

Так трудно шла у меня работа над этим романом!

Некоторые главы по пять раз переписывал. Некоторые – просто вымучивал из себя.

И всё равно пришлось писать заявление о пролонгации договора на месяц. Сейчас и этот срок подходит, но – слава богу! – роман дописан.

И все равно все мысли и даже сны – про Беринга.

Сегодня приснилось, что хоронят командора.

И якобы число сегодня – это меня особенно возмутило! – 19 января...

– Простите, – говорю. – Как же так? Витус Беринг 8 декабря умер. Пусть и по старому стилю, но все равно в декабре...

– Это вы у себя спросите, – отвечают мне, – почему сегодня 19 января, а не 8 декабря.

Во сне я, конечно, ничего не понял.

И только проснувшись, сообразил, что как раз 19 января, три дня назад, и хоронил я в своем романе Витуса Беринга.

21 января 1998 года, Санкт-Петербург

СТРАННЫЕ СОВПАДЕНИЯ

Вчера в Ватикане состоялась церемония открытия архивов Святой инквизиции, а у нас сегодня вышел указ Бориса Николаевича Ельцина «О перечне сведений, относящихся к государственной тайне».

Весь день сидел в Публичной библиотеке, составляя для «Руси» каталог Санкт-Петербургских губернаторов. Работа скучная, вернулся домой злой, и тут звонок телефонный.

Иван Иванович Сабилло и сказал, что мне назначили на этот год стипендию.

Слава богу!

По крайней мере, в этом году можно будет поработать над теми вещами, которые не дают денег...

На хлеб-то и стипендии хватит.

Или это раньше, когда студентом был, хватало ее?

24 января 1998 года, Санкт-Петербург

НЕЗАКОНЧЕННОЕ ПРЕОБРАЖЕНИЕ

С утра пытался дописать «Преображение», но не получилось – пошли гости.

Вначале – Лиза, потом – отец Алексей Мороз с детьми, а поздно вечером приехал Николай Тамби писать текст буклета о храме Святой Троицы во Всеволожске, ушел он уже во втором часу ночи.

В перерыве между гостями узнал из «Новостей», что Борис Николаевич Ельцин доверяет правительству Виктора Степановича Черномырдина и что он «внутренне определился» с кандидатурой преемника.

Еще сообщили, что обнаруженные в Екатеринбурге останки действительно принадлежат членам царской семьи.

30 января 1998 года, Санкт-Петербург

ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ

Позавчера заходил Василий Иванович Чернышев, редактор журнала «Мъра», в котором я напечатал пару очерков.

Подарил свой трехтомник, книги...

Потом рассказал, что разработал программу «Храмы России», которую собирается развернуть, если удастся добиться поддержки правительства. Он попросил меня пойти с ним в Смольный на заседание Попечительского совета «Храмы России» и выступить с изложением культурной концепции Фонда.

Целый вечер писал выступление и сегодня озвучил его в Смольном в присутствии Василия Ивановича, его сына Дмитрия Васильевича и еще трех чиновников мэрии.

Итого заседания Попечительского совета подвел господин в хорошем костюме, удачно скрадывающем его живот.

– У нас детей в приютах кормить нечем, а вы говорите храмы! – укоризненно сказал он.

И так скорбно было его заплывшее дорогим жиром лицо, что как-то неловко всем стало.

И так осуждающе смотрели на нас с Василием Ивановичем чиновники, словно это мы и отбираем у детдомовцев последние крохи.

Ушли мы пристыженные и опечаленные.

Дел перед отъездом на Соборную встречу в Москву – надо было сдать в издательство роман «Ревизия командора Беринга» – было немало, но стыд не отпускал.

То и дело снова возникало в памяти заплывшее дорогим жиром лицо смольнинского чиновника.

Уже в дороге, в тамбуре, увидел его в вагонном окне и даже испугался, как исхудал, печалюсь о приютских детях, этот человек.

Только потом сообразил, что на свое отражение смотрю.

И только тогда и отпустило.

2 февраля 1998 года, Санкт-Петербург

Остановились в Переделкино.

С утра поехал с Иваном Ивановичем Сабилло в Москву.

Прочитал в газете «День литературы» свой рассказ «Из дневника отлетающего», который был набран и должен был появиться в газете еще восемь лет назад.

Все-таки какой-то рок довлеет над моей прозой...

«Гавдарею» напечатали пятнадцать лет спустя после того, как она была написана.

«Заводское поле» – четырнадцать лет спустя.

«Пригород» – девять лет спустя...

С рассказами тоже так.

Кое-что, конечно, появлялось сразу, но именно кое-что...

И так было при советской власти, так происходит и теперь, когда кругом демократия и свобода.

Оформил у Сергея Лыкошина билет секретаря Союза писателей России и поехал в «Эллис лак».

Там мне выплатили положенные по договору 5280000 неденоминированных рублей за второе издание «Вологодской трагедии», но – с поджатыми губами, никак не откликаясь на мои шутки.

4 февраля 1998 года, Переделкино

ОТКРЫТИЕ СОБОРНОЙ ВСТРЕЧИ

Открытие Соборной встречи «Духовно-историческая и православная темы в современной художественной литературе» в Свято-Даниловом монастыре.

Очень хорошо, открывая конференцию, сказал митрополит Кирилл. Дескать «в годы гонений, когда Закон Божий в школах был запрещен да и сами книги «Священного писания» ценились дороже золота, именно преподавание классической отечественной литературы сеяло семена веры в души людские».

Обедать Андрей Поздняев повел меня в золотой зал.

Там писатель Крупин читал молитву, там владыка Кирилл благословлял трапезу.

Еда оказалась прекрасной, выпивка замечательной, разговоры мудрыми и откровенными...

Запомнились слова митрополита, который, как бы продолжая свое выступление, сказал, что роман Николая Островского «Как закалялась сталь» более православное произведение, чем многие современные сочинения, поскольку утверждает высокую нравственность, учит жить и жертвовать жизнью за свой народ, за свою Родину...

Вечером, в Переделкино, долго сидел в номере у Валерия Шамшурина, слушал стихи и разговоры о литературе, утверждающей нравственность...

Где-то ближе к ночи сказали, что умер поэт Николай Старшинов.

Кто-то прочитал его стихи:

*Когда, нарушив забытьё,
Орудия заголосили,
Никто не крикнул: «За Россию!..»
А шли и гибли
За нее.*

Даже слезы на глаза навернулись...

Не знаю, как с нравственностью в романе «Как закалялась сталь», этак ведь и бесов – тоже очень самоотверженный народ! – можно в пример поставить.

Ну, а у Старшинова и с жертвенностью, и с нравственностью всё в порядке.

И главное – никакого намека на бесовщину.

5 февраля 1998 года, Переделкино

ДОРОГА В БОРИСОГЛЕБСК

Еще вчера меня начали уговаривать поехать в Борисоглебск на первые всероссийские Иринарховские чтения.

Побывать там мне и самому хотелось, но суета суета, нужно было сдать обратный билет, а когда?

Так и не решив ничего, поехал утром вместе со всеми на продолжение Соборной встречи, которая сегодня проходила в Союзе писателей на Комсомольском проспекте...

Мое выступление поставили первым.

Говорил я о том, что существует обывательское представление, будто цензура – чисто советское изобретение. Но если мы сравним рекордсменов советского непечатания: Михаила Булгакова,

Андрея Платонова, Николая Гумилева с запрещенными писателями дореволюционной поры, то разница будет такая же, как между юношами-третьеразрядниками и гроссмейстерами.

Книга «Просветитель» преподобного Иосифа Волоцкого, сыгравшая такую великую роль в борьбе с ересью жидовствующих, была напечатана триста пятьдесят лет спустя после создания.

«Житие протопopa Аввакума» – спустя двести лет.

И это примеры лишь самых главных русских книг, книг, которые все столетия запрета продолжали жить сотнями и тысячами копий тогдашнего самиздата. И когда мы посмеиваемся над панегириками советских литераторов В.И. Ленину, И.В. Сталину или Л.И. Брежневу, не следует забывать, что это – наивный детский лепет по сравнению с тем культом, которым окружала себя династия Романовых.

Придуманные десятилетия спустя легенды и мифы вращались в дворянскую историографию как исторические факты, а подлинные события, невыгодно рисующие роль Романовых в русской истории, старательно замалчивались и искажались. И прежде всего это относится к той жестокой борьбе, которую вели Романовы в XVII и XVIII веках с Русской православной церковью.

Но сейчас действительно счастливое время.

Сейчас тот редкий момент свободы, когда события нашей истории могут быть проанализированы не с точки зрения идеологов Политбюро, не в соответствии с интересами дома Романовых, а объективно, с точки зрения православной истории нашего Отечества. И, конечно, грех не в том, чтобы заново переживать в своих произведениях нашу историю, грех в том, чтобы оставить ее в злом плену выработанных за много столетий схем.

Выступление мое довольно хорошо встретили.

Я сидел на торце «президиумного» стола, на другом торце устроился Дмитрий Михайлович Балашов, он кивал, слушая меня.

– Я думаю, что это очень важный взгляд... – сказал Валерий Николаевич Ганичев. – У нас некоторое оцепенение перед историческими авторитетами, ибо других, так скажем, длительное время не было, но мы не можем их отбрасывать, вообще ничего не можем выбрасывать, все наше – и то, и другое. Надо только уметь переработать это...

После меня выступал Эдуард Федорович Володин. Я послушал его и все-таки решил ехать в Борисоглебск, помчался на вокзал – сдавать билет.

Потом встретился в кафе с Алексеем Николаевичем Ивановым из «Руси», он заплатил 2 000 000 неденоминированных рублей за каталог губернаторов, который я составил.

Вместе зашли мы к какому-то профессору из Академии КГБ, который, по словам Алексея Николаевича, должен консультировать книжное издание «Гибели красных Моисеев».

Правда, когда пришли к нему, выяснилось, что профессор и в глаза не видел этого текста...

На Комсомольский проспект я вернулся только в начале четвертого.

Еще вчера ехать в Борисоглебский монастырь целая толпа собиралась, а сегодня только Эдуард Володин, Владимир Крупин, Ким Балков да я и остались.

Так, вчетвером, и поехали...

6 февраля 1998 года, Москва

В НА МОНАСТЫРСКОЙ СТЕНЕ
монастырь приехали, когда уже стемнело.

Массивные километровой длины стены опоясывали обитель, где в Смутное время, нагружая себя многопудовыми железными «трудами», отмаливал русскую землю затворник Иринарх...

Была уже ночь, когда мы поднялись с Эдуардом Федоровичем Володиным на эту стену. Величественно и грозно вращались в звездное небо башни монастыря.

Я сказал, что в древние времена был на Руси обычай...

– Славен город Москва! – кричали на вечерней перекличке стрельцы в караулах.

– Славен город Вологда! – отвечали им. – Славен город Ростов!

Обычай этот так понравился Эдуарду Федоровичу, что он решил немедленно возродить его.

– Славен город святого Петра! – прокричал он, чуть отойдя в сторону по стене.

– Славен город Москва! – отозвался я.

– Славен город Ростов! – перекликались мы на стенах Борисоглебского монастыря. – Славен город **Борисоглебск!**⁸

7 февраля 1998 года, Борисоглебск

ПРОДОЛЖЕНИЕ «ПРЕОБРАЖЕНИЯ»

С утра снова взялся за рассказ «Преображение».

Потом поехали с Мариной искать диктофон, а купили – не шибко-то и изменилась у нас по сравнению с советскими временами торговля! – пылесос «Ровента-Дюба».

Вечером зашел брат Владимир, чтобы подписать бумаги по разделу дома.

Но все равно разговор душевный получился. Володя рассказывал о своем детстве, которого – он старше меня на девять лет! – я не знаю, об отце, который строил дом.

Выпили, конечно...

Спыхватился Володя, когда уже дело к закрытию метро подошло.

Что делать? Теперь ведь и линия разорвана, часть пути надо на автобусе ехать.

Я посадил брата в машину, всунув таксисту 50000 рублей до Гражданки...

10 февраля 1998 года, Санкт-Петербург

КРЕЩЕНИЕ

Я родился и вырос в поселке Вознесенье на Онежском озере.

Храмы у нас закрыли еще до войны, и крестились мы, будучи уже взрослыми людьми, в городе.

Я – в Москве.

Сестра Саша здесь – в Петербурге. Один только старший брат, Владимир, оставался некрещеным. Но сегодня пошел креститься и он.

Уже под шестьдесят лет брату.

Да и те, что крестились одновременно с ним, тоже не молодыми были.

Неумело, может быть, первый раз в жизни, с какой-то суровой робостью осеняли себя крестным знаменем.

И от того ли, что брата зовут Владимиром, от того ли, что крещение происходило во Владимирской церкви, но подумалось, что, должно быть, так и стояли на берегу Днепра киевляне, когда крестил Русь равноапостольный князь. Такая же суровая робость лежала на закаменевших в походах лицах дружинников...

Сейчас, в последнее десятилетие, совершается, по сути дела, новое крещение Руси.

Какой она будет в своем втором крещении?

Сможет ли стать такой же светлой, какой была Святая Русь?

Бог знает...

Но смотришь, как неумело, сурово и робко крестятся перед детской купелью взрослые люди, и как-то спокойнее становится на душе.

Вместе со словами: «Во исцеление души и тела... в слышание веры... во еще ходити ему по стопам заповедей Твоих...» – стихает тревога.

14 февраля 1998 года, Санкт-Петербург

СМЕРТЬ ПАЛАМАРЧУКА

Пишу книжку «Храм над Волховом» про приход отца Евстафия (Жакова).

Работа идет медленно, а тут еще позвонил Иван Иванович Сабилло, сказал, что умер Петр Паламарчук...

В принципе, о болезни Петра я знал давно, но все равно грустно стало.

Молодым он умер, хотя, конечно, успел сделать немало.

Это и роман «Четвертый Рим», и «Ключ к Гоголю», и «путеводитель» по Солженицыну, но главное – четырехтомник «Сорок сороков»...

Вспоминая о последних встречах с Паламарчуком, захотел выпить, но задержался возле рукописи «Храма над Волховом», с описанием надписи на могильной плите в храме Иоанна Предтечи:

«Он был из ростовских мещан, в молодых летах поступил в здешний Никольский монастырь, где неутомимо и молчаливо исполнял самые трудные послушания, – было написано там. – Потом стал юродствовать ради Христа, несколько лет содержался в доме умалишенных и по освобождению начал ходить в Ладого и окрестностях ее в странном виде, пользуя многих потаенно. Такая жизнь продолжалась более 20 лет и увенчалась страдальческою кончиной. В первых числах декабря 1847 г. он потонул в Волхове, а в мае месяце 1848 года тело его приплыло к Новой Ладого почти невредимое, к прославлению Божиявшегося своего долготерпеливого раба. Здесь предано оно земле 17 мая 1848 года строителем иеромонахом Апполосом с братиею в присутствии игуменьи Успенского монастыря Февронии с сестрами и при многочисленном собрании почитателей покойного».

И что-то щелкнуло в голове, ясно представилось, как в келье Староладожского монастыря пишет – письмо это сохранилось! – святитель Игнатий (Брянчанинов), а на свет огонька в его келье бредет через Волхов сквозь декабрьскую выюгу юродивый, и кто знает, может, и могли бы встретиться две – мужицкая и дворянская! – России, но не суждено было произойти этой встрече, черная промоина на Волхове затянула юродивого...

И пошла, пошла наконец работа.

21 февраля 1998 года, Санкт-Петербург

ЕКАТЕРИНБУРГСКИЕ ОСТАНКИ

Был на литургии в храме Спаса Нерукотворенного Образа.

Отец Константин Смирнов выздоровел. После

литургии пригласил нас в трапезную, угощал блинами.

В три часа пришел Михаил Окунь из «Азбуки», показал отредактированный им роман «Ревизия командора Беринга». Редактура незначительная, все – слава богу! – осталось, как и было у меня.

Вечером передали сообщение о заседании Священного Синода Русской православной церкви, посвященного «екатеринбургским останкам».

Священный Синод высказался в пользу безотлагательного погребения их в символической могиле-памятнике. Когда же будут сняты все сомнения и исчезнут основания для смущения и противостояния в обществе, можно будет вернуться к окончательному решению вопроса о месте их захоронения.

Решение безупречное.

Оно пресекает все манипуляции «первооткрывателей» екатеринбургских останков в попытке нажиться на национальной трагедии.

Закончил книгу «Храм над Волховом».

26 февраля 1998 года, Санкт-Петербург

ВСТРЕЧА

Сегодня, на второй день Великого поста, встречал с Иваном Ивановичем Сабилло на вокзале московских гостей.

Приехали Валерий Николаевич Ганичев, Валентин Григорьевич Распутин, Василий Иванович Белов, Владимир Николаевич Крупин.

Позавтракали и поехали на прием к губернатору Ленинградской области В.А. Густову.

Вадим Анатольевич мне понравился. Этаким сильный, умный, решительный и насмешливый человек.

– Губернаторы в министры не идут... – говорил он. – Кто пойдет, когда тебя в любой момент могут сменить просто так. Это как жене сказать, что ей надо уходить. Но жена ведь и меры принять может. А министры?

Пообедали с Вадимом Анатольевичем, договорились, что он поддержит проведение в нашем городе Пленума Союза писателей России, и поехали в Пушкинский дом.

Здесь тоже встречи, но самая главная – в древлехранилище.

Только шагнул к витрине и сразу увидел Пустозерский сборник И.Н. Заволоко с автографами Аввакума и Епифания.

Тот самый сборник, к которому староверы как к иконе прикладывались!

И так радостно стало вдруг, словно с дорогим человеком неожиданно встретился...

5 марта 1998 года, Санкт-Петербург

КРЕСТНОЕ ЗНАМЕНИЕ

Откуда-то издалека выплыла эта история...

Кто ее рассказывал?

Бабушка? Мама? Или, может, кто-то из чужих людей, ночевавших тогда у нас? Сколько их проходило тогда мимо по разворошенной, обугленной войною земле...

А история была такая...

Крестьянин услышал в церкви, что Господь Иисус Христос, наш Спаситель, принял мученическую кончину на кресте, и поэтому теперь каждому православному свой крест надобно нести.

И задумался крестьянин, как только русский мужик умеет задумываться, уже ни на что более не отвлекаясь и не беспокоясь более ни о чем.

А обдумавши все, отправился в лес, нашел подходящее дерево и, повалив его, смастерил крест. Потом топор в пенёк воткнул, перекрестился и, взвалив крест на плечи, двинулся в путь.

Куда?

А куда глаза глядели...

Тяжел крест, но нести надо, раз взялся...

И долго мужик шел.

Может, неделю, а может – месяц. Главное, что вое оставшуюся жизнь...

А в конце жизни пришел к монастырю.

Остановился у входа, а войти не может – слишком велик крест оказался, не проходит в ворота.

Предлагали мужику, дескать, сними с плеч крест, разберем его, пронесем через ворота, тогда снова поднимешь на плечи...

– Нет, – отвечал мужик. – Никак нельзя. Невозможно его с плеч снять, покуда до конца не донесу...

Ну, нельзя так нельзя.

Остался он с крестом за стеною монастыря.

Прошел день, и наступила ночь.

Утром пошли монахи в церковь – стоит мужик с крестом за воротами. Никуда не ушел. Дальше ему идти некуда...

Игумен к мужику вышел.

– Так, мол, и так, – говорит. – Не проходит в ворота крест твой. А стену ломать монастырскую не положено. Да и опасно очень – враг приближается... Как без стены оборонимся?

– Не надо ломать... – отвечает мужик. – Я тут постою, пока силы будут...

Прослезился игумен и в келью к себе ушел – молитву творить.

И было ночью видение игумену. Утром собрал он братию и благословил – монастырскую стену разбирать.

Разбирают ее монахи, а стена не в теперешние времена делана, не разбирается никак. Каждый камушек вырубать приходится.

Несколько дней и ночей трудились, покуда проломали стену. А только ввели мужика с крестом в монастырь, тут и враги...

Скачут поганые полчища. Стрелы летят тучами. Сабли сверкают...

Думали монахи, что погибель монастырю наступает. Прямо в пролом мчится вражья конница...

А мужик, едва только вошел в монастырь, слабеть стал, прислонился с крестом к стене, в аккурат пролом им закрыв, перекрестился и помер...

– А враги? – спросил я. – Они ведь в монастырь хотели ворваться!

– Не ворвались... – заверил рассказчик. – Никто тот крест сокрушить не смог. Сказывают, что тракторами его тащили, да он не поддался. Немцы танками пытались свалить, а он все равно стоит... И сейчас, сказывают, на том же месте, куда и поставили. Никакая сила не может сдвинуть!

И перекрестился рассказчик, завершая свою историю...

Во сне из сумерек детской памяти возникла она...

И, уже проснувшись, лежал не двигаясь, пытаюсь сохранить крестное знамение, что осталось от неведомо откуда и неведомо куда прошедшего мимо нашего дома по обугленной послевоенной земле странника...

7 марта 1998 года, Санкт-Петербург

У РУБЦОВ ОТКРЫВАЕТ «ЗАКРЫТЫЕ» ГОРОДА
дивительное дело...

Если сосчитать, где и сколько жил поэт Николай Рубцов, то получится, что у себя, в Николе, в общей сложности поэт провел, считая и детдомовские годы, не более десяти лет. Три года прожиты в Ленинграде, два – в Москве, пять – в Вологде. Еще пять лет – служба на флоте и работа на тральщике. Оставшиеся двенадцать лет – самый долгий срок – приходится на небольшие города и поселки.

Емец, Тотьма, Кировск, Приютино, Невская Дубровка, Липин Бор...

Перечисление можно вести бесконечно. Годы, месяцы, недели жизни великого русского поэта разбросаны по бесконечным городкам и поселкам России...

Или наоборот...

Это Рубцов собирал в своей поэзии большие и малые города и села.

Он растворялся в необъятности России и, забывая себя, обретал возможность плакать ее слезами, петь ее голосом, звенеть ее эхом.

Чудо поэзии Рубцова в том, что вся она о той жизни русской глубинки, которая нашими школами и институтами, радио и телевидением, газетами и журналами старательно задвигалась на задворки. Обычно об этой жизни говорилось со снисходительной усмешкой, этой жизни нас приучали стесняться. И только, может быть, читая стихи Рубцова, и поняли многие из нас, что прекраснее этой жизни не будет ничего, во всяком случае – в нашей жизни.

Дзержинск – новый город на карте рубцовой России.

Этот город военной химии и танкостроения до недавнего времени был «закрыт», и Рубцов никогда не бывал в нем. Но он гостил здесь неподалеку, у своего приятеля Александра Сизова на Ветлуге.

Зато поэзия Рубцова «поселилась» в Дзержинске давно и навсегда.

И свидетельством этому и тысячи здешних читателей поэта, и то прекрасное собрание материалов о жизни и творчестве Рубцова Дмитрия Ширяева, на основе которого и образован муниципальный музей.

Когда-то Глеб Горбовский сказал: «Николай Рубцов – поэт долгожданный. Блок и Есенин были последними, кто очаровывал читающий мир поэзией – непридуманной, органической. Полвека прошло в поиске... Звучали голоса яркие, неповторимые. И всё же – хотелось Рубцова. Требовалось. Кислородное голодание без его стихов надвигалось».

Кислородное голодание – это серость и скука.

Без поэзии Рубцова вся наша жизнь сразу бы стала безотраднее.

И все эти музеи и улицы имени Николая Рубцова нужны не Рубцову, а нам, живущим в России сейчас, когда средства массовой информации усиленно навязывают нам мысль, что нам же самым будет лучше, если наша страна распадется на десятки карликовых государств.

Перед отъездом из Питера я натолкнулся в одной из газет на рассуждения Д.А. Гранина, доказывающего, что Санкт-Петербуржцы – это как бы особая национальность...

Очень живо припомнились мне тогда все злоключения, связанные с письмом, с которым группа наших писателей – Глеб Горбовский, Николай Скатов, Глеб Горышин, Иван Сабилло и я – обратилась в мэрию с просьбой установить мемори-

альную доску на общежитии Кировского завода, где несколько лет жил Николай Рубцов.

Ответ из мэрии потряс меня своим нескрываемым равнодушием и насмешкой над памятью Рубцова, и я написал тогда фельетон «Рубцову – отказать!», в котором напомнил, что уже установлены в нашем городе мемориальные доски режиссеру Георгию Товстоногову и поэту Иосифу Бродскому и есть здесь даже площадь имени Андрея Сахарова...

Получается, что Даниил Александрович Гранин прав...

Наши чиновники действительно принадлежат к особой национальности, доселе невиданной в России.

Вот об этом и думал я, когда открывали муниципальный литературный музей поэта Николая Рубцова в Дзержинске.

В трагические времена русской истории было сказано Мариной Цветаевой: «Именем Пушкина будем узнавать друг друга». Перефразируя эти слова для наших лет, можно сказать, что мы узнаем друг друга именем Рубцова.

И какая-то глубокая символика скрыта в том, что «закрытый» город Дзержинск открывается мне и тысячам других русских людей именно именем Рубцова.

Поэта, может быть, самого любимого, судя по нынешним тиражам его книг, в России, может быть, самого необходимого сейчас...

20 марта 1998 года, Дзержинск

СЮРПРИЗЁР

Вчера Борис Николаевич Ельцин опять отправил в отставку правительство.

Утром он возложил «временное исполнение обязанностей председателя Правительства Российской Федерации» на себя, но уже к вечеру, устав, должно быть, от правительственных хлопот, переложил их на Сергея Владиленовича Кириенко.

Сергея Владиленовича тут же прозвали в народе киндер-сюрпризом.

Ну а как же назвать тогда Бориса Николаевича? Не иначе как сюрпризёром...

24 марта 1998 года, Санкт-Петербург

ВОССТАНОВЛЕННОЕ РОДСТВО

Вчера прозвучала по радио моя пьеса «Миша Ласкин», написанная по рассказам Бориса Шергина.

Написать эту инсценировку меня уговорил Сергей Носов.

Он работает сейчас на радио «Петербург», и там решили сделать постановку по Шергину, но по нынешним законам требуется получить разрешение наследников, а искать их чрезвычайно хлопотно.

– А я подумал, – сказал Сергей, – что ты ведь родственник Шергина. Вот ты и делай инсценировку.

– Ну какой я родственник? – сказал я. – Десятая вода на киселе. Моя бабушка по отцу – Шергина... Она действительно из Серегово, где жили и прадеды Бориса Викторовича. Кому-то из них она троюродной сестрой приходилась, но до меня это родство такой тонкой ниточкой дотягивается, что юридически оно абсолютно ничтожно.

– Все равно, раз автором постановки будет родственник, у нас отмазка появится...

– Да тут и отмазываться не придется... Нет у Бориса Викторовича никаких прямых родственников. Никто ничего не будет спрашивать.

– Значит, договорились?

Я согласился, хотя, конечно, больше сработало тут стремление снова вернуться на радио, где я не появлялся уже с самого начала девяностых.

Но начал перечитывать рассказы Бориса Шергина, начал вслушиваться в голоса героев, и зазвучало что-то близкое и очень родное.

Это родное и хотелось передать в постановке, но актеры, как это часто бывает, равнодушно произносили сокровенные слова, и не ожидали они...

Сегодня попросил Сергея сбересть для меня текст пьесы.

– А ты разве не оставил себе экземпляр?

– Нет... – сказал я. – Ты же торопил. А у нас как раз порошок в ксероксе закончился! Не сделал я копии.

– Ну, я не знаю, где искать твой текст, – сказал Сергей. – Давно ведь уже пьесу записывали... Но гонорар тебе выписали...

5 апреля 1998 года, Санкт-Петербург

ПРЯМОЛИНЕЙНО И В ЛОБ

Сергею Владиленичу Кириенко явно не дают покоя лавры его предшественника, великого мастера устного слова Виктора Степановича Черномырдина.

Дебютируя в Думе, он сказал:

– Я просто крайне прямолинейно и в лоб ушел от ответа на этот вопрос.

«Уйти в лоб от ответа» – это, конечно, еще не Виктор Степанович, но уже близко...

12 апреля 1998 года, Санкт-Петербург

МИМО ЦЕРКВИ

Когда пять дней назад на правлении сказали, что умер в больнице Глеб Александрович Горышин, было больно и горько, но писали некролог, поминали и, конечно, молитвы читал, как и положено, и как-то рассеивалась боль и горечь...

А два дня спустя позвонил Евгений Васильевич Кутузов, сказал, что никакого отпевания не будет, поскольку Глеб Александрович некрещеный был, и стало страшно...

Разумеется, креститься или нет – личное дело каждого...

Но Глеб Александрович был русским писателем и в своих произведениях, и в самой жизни. Всегда он отстаивал традиции классической русской прозы, которые, если разобраться, так увязаны с православием, что без православия как бы и вообще не существуют.

Необыкновенно высокий, к старости Глеб Александрович, кажется, стал еще выше и совсем уже неприкаянно торчал из нашей действительности, совершенно не умея приспособиться к ней, теряя ориентацию и в своих статьях, и в самой жизни.

И получается, что и умер он точно так же – нелепо и беззащитно! – как и жил, умер, так и не собравшись покреститься.

Живым он проходил мимо церкви.

Мимо церкви вчера и провезли его на кладбище в Комарово...

15 апреля 1998 года, Санкт-Петербург

РУССКОЕ ПРЕОБРАЖЕНИЕ

На выборах губернатора Красноярского края победу одержал Александр Иванович Лебедь, человек, которому Россия во многом обязана не только вторым сроком правления Бориса Николаевича Ельцина, но еще и позорным Хасавюртовским миром...

В верховьях Лены ледяные заторы, почти полностью затоплен город Ленск...

В Воркуте каждый полдень три минуты гудят все предприятия города, отмечая «траур по умирающей России»...

Слушаю эти новости в реабилитационном центре, где лежу уже неделю.

Сегодня закончил рассказ «База консервации».

Вечером пришла Лиза Лозновская и привела свою подружку Наталью Лебединскую, которая занимается теперь восстановлением монастыря на Сторожинском мысу на Ладоге.

Три года назад, когда я разыскал материалы о

раскаившемся ладожском пирате, который – Господь прославил Киприана Стороженского многими чудесными знаменами, и он стал почитаться как преподобный! – основал на месте своего разбойничьего вертепа иноческую обитель, было ощущение, что я читаю сказку, которая так и останется дивной сказкой...

Но вот прошло три года, и, пожалуйста, из шестелеста пожелтевших страниц возникают развалины монастыря, сохранившиеся на Сторожинском мысу, зарождается идея возрождения этих развалин...

Поразительна быстрота русского преобразования.

И порою кажется, что оно опережает разрушение экономики, культуры и государственности нашей страны...

19 мая 1998 года, Санкт-Петербург

Сегодня Николин день.

ДЕНЬ АНГЕЛА

Сразу после уколов сбежал из реабилитационного центра, но во Владимирскую церковь попал только к концу литургии.

Купил свечку, чтобы поставить к образу свяителя, но куда там, подсвечник до того разогрелся от свечей, что не стоят свечи – сразу оплавляют и изгибаются...

Оглянулся растерянно, высматривая, куда свою свечу пристроить, и тут икону с архангелом Михаилом и святителем Николаем увидел.

И всего две свечки перед нею горят...

Ну вот, а ты еще расстраивался, Николай Михайлович...

22 мая 1998 года, Санкт-Петербург

КНИГА О МИТРОПОЛИТЕ ВЕНИАМИНЕ

Вышла моя книга о митрополите Вениамине в издательстве «Вера» Юрженко.

Получил свои экземпляры и пошел на Никольское кладбище. Положил книжку у креста на символической могиле Вениамина.

Очень красиво смотрится.

Постоял, перекрестился.

Взял книжку и пошел в храм.

Помолился у раки с мощами Александра Невского...

30 мая 1998 года, Санкт-Петербург

ДЕТСКИЙ ПРИХОД

ВСтарой Ладогe много разговоров о «детском приходе»...

Регент Тамара говорит, что отец Евстафий вы-

таскивает детей из подвалов и ему надо в ноги поклониться за это.

Об этом же, только по-другому, сказал и водитель Володя.

– Не важно, как человек попадет в храм. Пусть приходит зарабатывать... Он все равно изменится здесь. И обязательно к лучшему!

А вот хозяйка Александра, у которой поселили нас, не согласна ни с Тамарой, ни с Володей.

– Работали бы на ферме, а то возле церкви отираются! – говорит она.

– Вы же тоже на ферме работали, а в церковь ходили, – сказал я.

– Ходила...

– Так чего же других ругаете?

– Так я же и в церковь ходила, и на ферме работала... А они только с церкви тянут!

6 июня 1998 года, Старая Ладога

У КОСТРА

После службы пытались попасть в Сторожно, но по дороге сломалась машина, и пришлось вернуться назад.

Вечером сидели у костра на берегу Волхова.

Смотрели на древний огонь, вожженный над потемневшей водой русской реки.

Почернели соседние курганы, с которых «пошла русская земля», но, возвышаясь над ними, словно бы светились плывущие по сиреневому небу бирюзовые купола храма Рождества Иоанна Предтечи...

Из глубокой древности плыли они в наше будущее...

7 июня 1998 года, Старая Ладога

МЕТАФОРЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Центральный банк России опять опроверг слухи о возможной девальвации рубля, а Сергей Владиленич Кириенко объявил о сокращении уже в этом году более 230 000 служащих.

После четырех суток совместного полета корабль «Дискавери» отстыковался от российской станции «Мир». Завершилась подготовка семи американских астронавтов и решено закрыть российско-американскую программу «Мир-Шаттл»...

Новоизбранному губернатору Красноярского края генералу Александру Лебедеву за «прекращение войны в Чечне» вручена учрежденная в Германии премия мира...

«Звезды» эстрады дали концерт перед шахтерами, пикетирующими Дом правительства в Москве...

События идут одно за другим, а каждое могло бы стать метафорой нашего времени!

Такое ощущение, что одни только метафоры и остались...

26 июня 1998 года, Санкт-Петербург

В СТОРОЖНО

Сегодня ездили с иеромонахом Евстафием (Жаковым) в бывший Киприано-Стороженский Никольский монастырь.

Это недалеко от нынешней Свирицы, но добираться туда по суше – не приведи господи!

От монастыря сохранилась только сложенная из крупных булыжников церковь. Стены ее так толсты, что они устояли – во время войны в церкви был оборудован дот! – и после прямого попадания снаряда.

Окна разной величины и расположены без всякой симметрии...

Крыша давно обвалилась...

Рухнувшими кирпичами и мусором засыпано здесь всё.

Может быть, плита над могилой Киприана Стороженского и сохранилась, но мы не смогли отыскать ее.

Отец Евстафий (Жаков) привез в Сторожно икону, на которой изображены были стоящие рядом Николай Чудотворец и преподобный Киприан Стороженский.

– Был Киприан разбойником... – сказал отец Евстафий, передавая икону местным жителям. – А стал инокам наставниче, ангелам собеседниче. Отчего же мы не последуем его примеру? Почему не раскаемся в ожесточении сердец наших? Не оставим разбоя? Посмотрите, во что превратили мы этот храм, обитель преподобного Киприана! Почему мы так спокойно смотрим на разруху? Почему не придем сюда, чтобы вынести мусор из храма, расчистить завалы, сложить кирпичик к кирпичику, камень к камню, доска к доске...

– А объявления, батюшка, не было! – сварливо ответила одна из местных жительниц. – Написали бы, мы, может, и пришли бы на субботник...

– Какой субботник? – удивился отец Евстафий. – Чего еще писать надо, если у вас на глазах эти руины стоят? Придите, когда выдастся свободная минута, поработайте здесь и вам сразу станет лучше!

– Все равно объявление написать надо! – повторила женщина. – Откуда знать, что тут делается?

Но уже не так сварливо звучал голос, какая-то неуверенность появилась, словно осознала женщина, как неуместна затеянная перебранка пе-

ред светлой и чистой иконой, внесенной в сумрачное, более схожее с подземельем, чем с храмом, помещение.

Они, Николай Чудотворец и Киприан Стороженский, стояли сейчас рядом с нами, как стояли когда-то рядом с ладожскими пиратами, собравшимися оставить разбой...

27 июня 1998 года, Сторожно

ЮБИЛЕЙ ВАЛЕНТИНА ПИКУЛЯ

Семьдесят лет исполнилось бы в этом году Валентину Саввичу Пикулю.

Но еще 15 июля 1990 года оборвалась его жизнь, и вот уже восемь лет замечательного русского писателя нет с нами.

Восемь лет – небольшой срок, но эти восемь лет вместили целую эпоху. И давно нет страны, защищая которую погибли отец и сын Пикули, и давно уже, никуда не переезжая из своей квартиры, за границей оказалась вдова русского писателя – Антонина Ильинична Пикуль.

За эти годы наша страна испила столько унижения и позора, сколько, кажется, еще никогда не выпадало на ее долю за предшествующие столетия. Оглушенные, задавленные бесправием и нищетой, мы не то чтобы свыклись – свыкнуться невозможно! – но стараемся не думать об этом. И всегда, когда все-таки сталкиваемся с реальностью напрямую, в первое мгновение охватывает ощущение давящего кошмара...

Именно о кошмаре нынешнего устройства жизни и думал я, когда Антонина Ильинична Пикуль рассказывала вчера о портрете Валентина Саввича Пикуля, который его автор, Анатолий Набатов, поместил на своей выставке в Белом доме осенью 1993 года. Немигающими глазами смотрел Валентин Саввич с набатовского портрета на рвущиеся в коридорах парламента снаряды, на гибнущих русских людей...

Но этот кошмар не угнетал. Было в нем высокое звучание трагедии, осознать которую нам еще предстоит...

И главное – нужно работать, несмотря ни на что.

Закончил очерк «Патриарх Гермоген».

Вечером пришел актер Игорь Черносов с бутылкой. Кроме бутылки принес пленки – он полностью записал на радио роман «И закопанные, и сожженные». Теперь он начинает записывать своего «Священномученика Вениамина».

13 июля 1998 года, Санкт-Петербург

ВСМЕРТЬ ВЛАДИМИРА ДУДИНЦЕВА
 вчера умер Владимир Дмитриевич Дудинцев.

Его роман «Не хлебом единым» сильно нашумел в начале хрущевской «оттепели», его роман «Белые одежды», который мы печатали в «Неве», нашумел уже в начале перестройки.

Оттепель Владимир Дмитриевич пережил, а все никак не кончающуюся перестройку пережить не смог и он.

Как раз в день его смерти, требуя погасить долги по зарплате, начали предупредительный этап бессрочной забастовки более трех с половиной тысяч работников Федерального ядерного центра в Сарове (Арзамас-16), а сегодня в дивизии Ракетных войск стратегического назначения около 60 офицерских жен, мужьям которых много месяцев не выплачивают зарплату, блокировали выезд очередной смены на боевое дежурство...

Этакие вот, соразмерные и роману «Не хлебом единым», и роману «Белые одежды» сюжеты нашего времени.

Они и провожают в последний путь Владимира Дмитриевича...

24 июля 1998 года, Санкт-Петербург

ЛИЗА

Архимандрит Панкратий пригласил православных писателей на Валаам.

Я поехал с Мариной, Валерий Филимонов – с Ларисой Кудряшовой. Еще к нам присоединились Елизавета Лозновская и скульптор Сергей Алипов.

В Гефсиманском, еще не восстановленном до конца скиту, где нас поселили, у послушника Бориса живет желтая, с пушистым, как у белки, хвостом кошка Лизонька.

Сама она нездешняя, ее привезли, как утверждает Борис, из Италии, но она уже хорошо обжилась на острове, мяукает так, что местные коты отлично понимают ее...

Утром Борис всегда варит своей красавице два яйца.

- А почему ее Лизой называли? – спросил я.
- Так это же вы ее так называете! – ответил Борис.
- Мы?! А вы как зовете ее?
- Лизонькой... Видите, какая рыжая она, как лиса.
- Извините... – смущенно сказал я. – Нам показалось, что вы Лизонькой ее зовете... А говорят, нехорошо именами, которые в святцы занесены, животных называть?
- Ну, это я не знаю! – сказал Борис. – Да вы не

смущайтесь. Не вы первые в Лизоньку кошку переименовали. А она, хоть и из Италии, простая совсем и на Лизоньку тоже откликается...

25 июля 1998 года, Санкт-Петербург

СКИТ ВСЕХ СВЯТЫХ

Здесь подвизались великие подвижники, сюда паломники шли за духовным советом и получали его...

Сейчас в скиту пустовато, монахов немного, духовных советов никто не дает.

Но мы были на Литургии.

И вот получилось так, что читали Апостол:

«Не хочу оставить вас, братия, в неведении, что отцы наши все были под облаком и все прошли сквозь море; и все крестились в Моисея в облаке и в море; и все ели одну и ту же духовную пищу; и все пили одно и то же духовное питье; ибо пили из духовного последующего камня; камень же был Христос.

А это были образы для нас, чтобы мы не были похотливы на злое, как они были похотливы. Всё это происходило с нами, как образы, а описано в наставление нам, достигшим последних веков...»

Этот отрывок из Первого послания к коринфянам апостола Павла я часто цитирую, убеждая своих слушателей и читателей, что мой взгляд на церковный раскол, на Петра I и на другие события русской истории не противоречит православной морали и не нужно бояться правды истории, если мы решили постигнуть ее.

И вот именно эти слова, этот самый главный для меня совет и услышал я в скиту Всех Святых...

26 июля 1998 года, Валаам

КОСТЕР НА БЕРЕГУ

Как хорошо было в воскресенье, но как хорошо стало в понедельник, когда разъехались туристы.

В Москве в Госдуме проходят открытые слушания депутатской комиссии по отрешению от должности Бориса Николаевича Ельцина, а здесь вечер, пропитанный сумерками воздух монастыря.

Пробежал опоздавший на вечернюю службу монах. Прошумел воздух в складках темной рясы...

Тихо и чуть пустовато в храме.

В этой сокровенной тишине и постигаешь, что такое молитва. Как-то ясно доходит простой их смысл, который почему-то никак не постигался в городе: «Дай, Господи, пожить во всяком благочестии и чистоте...»

Это, конечно, про Валаам.

В храме полумрак.

Только огонек лампы перед образом преподобных Сергия и Германа светится немеркнущим костром, разведенным святыми на валаамском берегу...

27 июля 1998 года, Валаам

СВЯТОЙ ОСТРОВ

Был солнечный августовский день, когда вместе с иеромонахом из Сербии, шведом по национальности, сопровождаемые валаамским монахом Савватием, мы приехали на Святой остров.

Иначе его называют – Старый Валаам...

Согласно преданию, именно здесь начиналось служение преподобных Сергия и Германа.

Но это предание...

Более определенно говорится, что на Святом острове подвизался другой великий русский святой – Александр Свирский. Скит на острове так и называется – Александро-Свирский...

1

Поднимаемся вверх по тропинке.

Вот и вырубленная в скале пещерка, где пятьсот лет назад и подвизался в молитвенных подвигах преподобный.

Пещерка невелика...

Когда проходишь в нее, плечи задевают за гранитные стены. Крохотного света лампы, горящей перед образами, достаточно, чтобы осветить все пространство кельи. Кроме икон и лампы здесь только голый камень...

И стоишь посреди кельи и не можешь представить, как обитал тут Александр Свирский...

И не день, не месяц, а долгие годы, когда, как сказано в Житии, «от великих трудов кожа на теле сделалась такой жесткою, что не боялась и каменного удара».

В каменной, открытой ладожским ветрам пещере и молился святой, когда раздавался обращенный к нему голос Богородицы:

– Александр! Изыди отсюда и иди на преждепоказанное тебе место, в нем же можешь спастись!

И светло стало.

Преподобный Александр выбрался из пещеры и за стволами сосен, вставших почти на отвесной скале, увидел тихие воды Ладоги. Великий небесный свет сиял в той стороне, где текла Свирь...

2

Валаам неслучайно называли северным Афоном.

Такие же скалы...

Такое же обилие воды...

Такие же резкие краски...

Разница только в температуре.

Там – жара.

Здесь – холод.

Но и то и другое одинаково губительно для изнеженной человеческой плоти, и то и другое требует аскетизма, «кожи, не боящейся каменного удара».

Особенно остро ощущается это на Святом острове. Инок Сергей рассказал, что рыбаки никогда не останавливались здесь на ночевку.

– Почему?

– Страхования разные начинаются. Бывало, ночью в бурю бежали отсюда, так страшно становилось...

Однако сам преподобный Александр Свирский провел на острове в одиночестве несколько лет.

«Буря искушений и устремлений диавольских не возможна поколебати храмины твоя душевная, преподобне отче, основана бо бе на твердом камени веры во Христа, – звучали перед входом в пещеру-келью слова акафиста. – И хранима трезвением и молитвами непрестанными, имиже выну противоборствовал еси врагу спасения человеческого».

Дочитали акафист.

Поднялись по крутой тропинке наверх, где зияет могила, выкопанная – «о смертном часе непрерывно помышлявший»... – самим преподобным Александром Свирским.

3

Сейчас на острове возродилась скитская жизнь.

Начальник скита, бывало, оставался на острове один. А послушникам запрещал...

– Он такое правило дал... – сказал нам сопровождавший нас Сергей. – Говорит, вы не думайте, что вы отшельники. Вы просто – сторожа.

– Духовные? – спросил кто-то из наших поэтов.

– Ага! – ответил инок. – Картошку сторожили...

28 июля 1998 года, Валаам

МОНАСТЫРЬ

В плохую погоду, когда затянуто тучами небо, когда льет дождь, острова сливаются и со стороны Ладоги кажутся единым островом, неразлично-густо заросшим лесом...

Совсем другое дело, когда ясно светит солнце. Плышет моторка по Ладоге, и каждый остров освещен по-своему, каждый отдельно от других.

Так и люди здесь.

Каждый сам по себе, но это в ясную погоду.

Нахмурится небо, и уже, кажется, и не различить отдельных людей, все – монахи, всё – монастырь...

28 июля 1998 года, Валаам

ВАЛААМСКИЕ ОСТРОВА

И все длится и не кончается этот день – память святого равноапостольного князя Владимира...

В Москве, как сообщает радио, всё по-прежнему.

Накануне открытия слушания депутатской комиссии по отрешению его от должности Борис Николаевич Ельцин назначил директором ФСБ Владимира Владимировича Путина и только после этого прервал свой отпуск и вернулся из Шуйской Чупы в столицу. Он заявил, что его ждут неотложные дела, связанные «со сложной политической и экономической ситуацией в стране».

Но это в Москве...

А здесь, на Валааме, из-за обилия воды что-то странное происходит со светом белой ночи...

Ночной воздух как бы искрится, и так странно из-за скал, из-за верхушек деревьев выплывает – только, наверное, на Валааме бывает такая! – луна.

Послушник Борис рассказывал, что поднимаешься от Гефсиманского скита наверх, к часовне, а там луна так близко, что, кажется, пешком можно дойти...

– До луны?!

– Ага! Всё видно там... Так близко, чего ж не дойти?

28 июля 1998 года, Валаам

СТИХОТВОРЕНИЕ

– **Я** стихотворение придумал... – сказал я Марине.

– Прочитай... – попросила она.

– Как солнечно было, когда приезжали сюда.

Как пасмурно нынче, когда уезжаем...

– А дальше? – спросила Марина.

– А что дальше писать, если все уже сказано тут...

Марина вздохнула и кивнула головой.

29 июля 1998 года, Валаам

ОБРЕТЕНИЕ МОЩЕЙ

Чудны твои дела, Господи!

Как раз в те минуты, когда четыре дня назад мы читали акафист преподобному Александру Свирскому у его кельи на Святом острове, в церкви Веры, Надежды, Любви и матери их Софии на проспекте Стачек в Петербурге устанавливали мощи преподобного Александра Свирского, обретенные в Анатомическом музее Военно-медицинской академии!

Конечно же, мы не знали и не могли знать об этом, и только вернувшись в Петербург, услышали, что 28 июля 1998 года в Санкт-Петербурге произошло это знаменательное в истории Русской православной церкви событие.

Событие знаменательно и тем, что именно с вскрытия раки преподобного Александра Свирского началась в 1918 году затеянная большевиками сатанинская кампания по ликвидации, фальсификации и дискредитации русских православных святынь. В ходе ее были вскрыты и вывезены из церквей и монастырей шестьдесят три раки со святыми мощами.

Милостью Божией все они обретенны сейчас Русской православной церковью вновь. И воистину великий мистический смысл скрыт в том, что последними обретенны мощи преподобного Александра Свирского, утраченные нашей церковью в самом начале – ровно восемьдесят лет назад. Не означает ли это, что соборными молитвами Русской православной церкви благодать Господня снова возвращается в многострадальную Россию?

«Да в мире глубоце пребудет святая Православная Церковь Христова, и в благоустроении зиждется отечество наше, во всяком благочестии нерушимо, – говорится в молитве преподобному Александру Свирскому. – Буди всем нам, чудотворче святой, помощник скорый во всякой скорби и обстоянии».

1 августа 1998 года, Санкт-Петербург

БЛАГОДАТЬ

За эти дни несколько раз ездили в церковь Веры, Надежды, Любви и матери их Софии.

Первый раз, чтобы просто поклониться святым мощам, потом поездки отчасти были связаны с работой над новой книжкой об Александре Свирском для «Диоптры», но благодать, исходящая от святых мощей, ощущалась каждый раз.

Эта благодать наполняет и очищает...

6 августа 1998 года, Санкт-Петербург

(Окончание следует)

Примечания

⁶ Красный Север. Вологда. 1997, 28 мая.

⁷ Между прочим, несколько лет спустя «Александр-принт» выпустил-таки тиражом 50 или 100 экземпляров наш «Русский хронограф» с десятью страницами дополнений Александра Мясникова. Правда, при этом наших с Мариной фамилий на издании указано не было.

⁸ Пять лет спустя, уже после кончины Э.Ф.Володина, перелистывая его последнюю книгу, я неожиданно наткнулся на слова, произнесенные как будто в ответ на наши, на стене Борисоглебского монастыря, испытанные ощущения...

«Древнерусское государство – прообраз империи. При всем том, что этногенез славян продолжался и достижение национальной целостности было отдаленным будущим, объединение земель и племен в единое государство, принятие Православия, создание мощной армии не могли не вызвать тот духовный подъем, то ощущение необычности и величия бытия, которые выражаются в философско-поэтическом восторге страной, народом и героями этого созидания. Именно восторг – вот чувство, наполнившее души людей, причастных к протоимперскому строительству или вспоминающих о величии и грандиозности этого протоимперского здания...»

И вот еще из той же, последней книги Эдуарда Федоровича:

«Советская империя лежит в руинах. Над истекающей кровью державой кружится воронье, и среди развалин рыщут шакалы и гиены в поисках пропитания. Плач о потерянном стал основным содержанием большой русской литературы, но давайте вспомним, что из плача о гибели Русской земли создавалась энергия надежды, сопротивления и победы. Давайте не забывать, что доктрина митрополита Илариона не исчерпана и имперское возрождение неизбежно. Мы – русские, какой восторг!»

□

Николай Михайлович КОНЯЕВ

родился в 1949 году в поселке Вознесенье на берегу Онежского озера.

Автор книг: «Земля, которая помнит все», «Первые уроки»,

«Ненайденные клады», «Рассказы о землепроходцах»,

«О себе Ермак известие дал», «Пригород», «Марсиане»,

«Гавдаря», «У тихой воды», «Неудавшийся побег»,

«Гибель красных Моисеев», «Подвиг митрополита»,

«Путник на краю поля», «Ангел Родины», «Солженицын в обвале»,

«Аввакумов костер», «Великая северная ревизия» и других.

Романы и повести отмечались премией имени Василия Шукшина,

премией Андрея Платонова, премией ВЦСПС,

годовыми премиями журналов «Наш современник»,

«Молодая гвардия», «Север», «Студенческий меридиан».

